

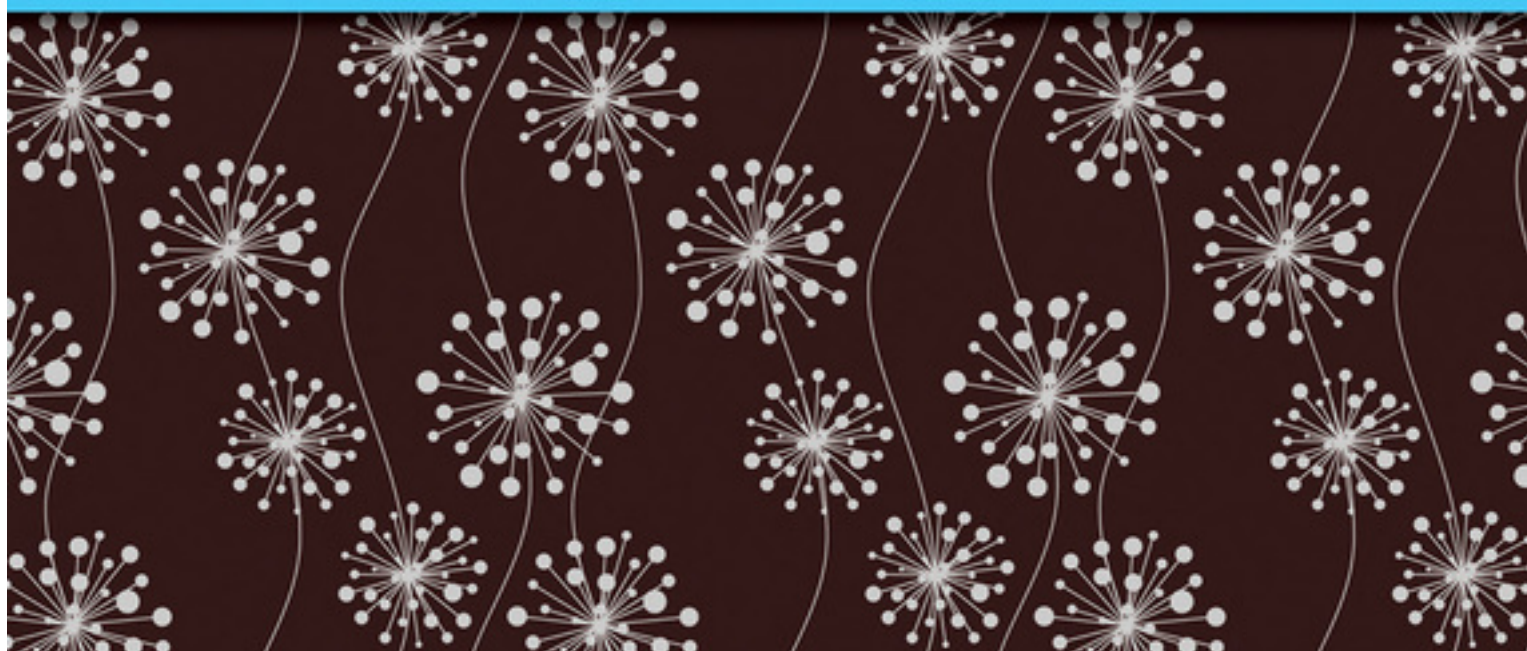

Наталья Симонова

**СЧАСТЬЕ
ПО ОШИБКЕ**

**СОСТАВ: оптимизм - 25%, спокойствие - 40%
уравновешенность - 20%, доброжелательность - 15%**

Все еще будет!

Наталья Симонова
Счастье по ошибке

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Симонова Н.

Счастье по ошибке / Н. Симонова — «Эксмо»,
2017 — (Все еще будет!)

ISBN 978-5-699-95078-2

Алик – невероятный красавец, талантливый, воспитанный, из хорошей семьи... В общем, мечта всех девушек. Он женился на умнице и красавице Лине, искренне преданной ему всем сердцем (и никакие интриги подруг не могут поколебать верность Алика). Но идут годы, Алик все тот же и все там же на карьерной лестнице, а Лина превратилась в знаменитость... Рассказы Натальи Симоновой – о нашей жизни, о странных поворотах, которые готовит нам судьба, о том, что все хотят как лучше, но получается совсем по-другому, что друг, бывает, оборачивается врагом, а враг – другом. И, конечно, эта книга – о любви, к которой все мы стремимся.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95078-2

© Симонова Н., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

На одной волне	6
Все с начала...	24
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Наталья Симонова

Счастье по ошибке (сборник)

© Симонова Н., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

На одной волне

Телефонная трубка хрипло вздохнула. Маруся узнала этот полный скорби вздох своей соседки. Они дружили много лет, и Наташа всегда так вздыхала, когда предавалась отчаянию.

Опыт долгой дружбы подсказывал Марусе, что сердце Наташи в очередной раз разбито каким-то не оправдавшим надежд вероломным возлюбленным. Но сегодня она и сама чувствовала себя неважно и решила попробовать притвориться мертвой, а потому молчала.

– Алло-о... – нетерпеливо зывала Наташа. – Что случилось, Марусенька, ало!

– День был трудный, – призналась подруга, почти не надеясь на понимание. – Хочу лечь пораньше... У тебя-то что? – смирившись, поинтересовалась наконец.

– Сейчас поднимусь и все тебе расскажу, – взрыднула соседка.

Через минуту она появилась в дверях, прижимая к худенькой груди бутылку водки и глядя в самую душу Маруси огромными несчастными глазами.

– Вот и все, – сообщила с порога, не обращая внимания на созданный ею сквозняк. – Все! Он улетел. В Англию свою долбаную.

– Кто? Почему в Англию... Закрой дверь-то, дует!

– Кто-кто?... – проворчала Наташа, проходя на кухню. – Дэвид улетел.

– Так он ведь и собирался... Ты ж говорила...

– Мало ли что говорила! Как он мог?!

Наташа работала учителем английского языка в одной очень приличной гимназии. И теперь в сто пятый и, вероятно, не последний раз рассказала Марусе историю своего знакомства с англичанином Дэвидом. Про то, как привезла учеников в Сочи на международный юношеский семинар, а он там был инструктором английской группы.

– Что теперь делать? – жалобно заскулила она тоненьким голоском. – Такой был лапочка... Давай, что ль, выпьем, Марусенька! Ведь не первого проводила – дай бог и не последний.

– Вот это другое дело, Натик! – согласилась подруга, взмахивая рюмкой. – А то плакать! Сколько их уже отвалило, а ты все как в первый раз.

– Да-а, знаешь, как оби-и-идно... – всплакнула все же Наташа.

– Зайка моя бедная, – посочувствовала наконец Маруся. И это немножко утешило подругу.

– И не говори... – сказала она. – Ну, а у тебя-то что? Как дела на работе? Как семья?

Марусе неудобно было признаваться, что все хорошо, когда у Наташки такое горе.

– Миш, – жалобно закричала она в комнату, ища поддержки у мужа. – Поди сюда!

– Ой, Наташа! – обрадовался сынок Маруси и Миши, показываясь с папой в кухне. – Давай ты как будто на пожарной машине едешь.

Но Наташа не хотела разъезжать на пожарной машине, а хотела жаловаться на Дэвида, надеясь обрести в лице Миши нового отзывчивого слушателя.

– Мишань, у меня все плохо, – сообщила горестно.

– Ты прям как маленькая, – добродушно укорил Миша, предупреждая начинающийся поток новых всхлипов, и не совсем уверенно добавил: – Не горюй, все ведь, в сущности, к лучшему.

– А такие маленькие не бывают, – строго пресек непорядок пятилетний Коля.

Наташа улыбнулась сквозь слезы – она любила детей, и Маруськин мальчик всегда ее смешил и умилял.

– Что же я, по-твоему, – не маленькая, что ли?

– Не маленькая! – решительно подтвердил ребенок.

– А сколько же мне лет?

Коля озадаченно склонил голову набок и, чуть подумав, без всякого снисхождения вывел кокетку на чистую воду.

– Точно не знаю, – сощурился подозрительно, – но шесть тебе уже было!

Наташа так и покатилась со смеху, однако, вспомнив о свежей потере, опять начала поскуливать.

– Миш, а от меня любовник сбежал, – поведала печально, накручивая на пальцы скатерть. – Такой свинюга!

– Любовник? – заинтересовался Коля.

– Ай-ай-ай, надо же! – бегло посочувствовал Миша, торопливо уводя сына с кухни.

– Ну кто он после этого? – не успокаивалась Наташа. – Разве можно так с человеком?

– Да... Но с другой стороны, он ведь тебе ничего не обещал, – кротко напомнила Маруся.

– Что значит – не обещал! – возмутилась подружка. – А ухаживания? Какие слова говорил! А секс – не обещание? Не мог же он не знать, чего я жду от этих отношений!

– Господи! Откуда? – воскликнула Маруся.

– Но это же понятно! – всплеснула руками Наташа.

– Совсем не обязательно, – возразила Маруся. – У тебя свое – у него свое. Он, скорее всего, и не задумывался, чего ты там ждешь.

– Да как ты можешь такое говорить! – опять задохнулась от возмущения оскорбленная соседка. – Ты что – на его стороне?!

– Конечно нет! Но ты бы и сама могла уже заметить, что мужчины гораздо реже имеют какие-то перспективные планы на девушек, за которыми ухаживают и с которыми спят. Просто потому, что часто постель и есть цель их ухаживания.

– А почему тогда не сказать сразу: так, мол, и так, мне только переспать?

– Да потому что тогда у него ничего не получится. Ты бы вот согласилась просто спать с Дэвидом, если бы он тебя сразу предупредил?

– Естественно, нет!

– Ну почему же – естественно? – пробормотала Маруся. – Постель вполне может быть и целью девушки тоже... Но не в твоём случае! Ты ведь хочешь серьезных отношений и со всеми своими мужчинами сходишься как раз для этого. И если тебя предупредить, что серьез не планируется, ты сразу соскочишь. То есть его цель не будет достигнута.

– Но это же обман! – изумленно округлила глаза Наташа. – Сама говоришь, он скрывает правду, исключительно чтобы добиться секса.

– Обман, – согласилась Маруся.

– И это, по-твоему, нормально?!

– По-моему – нет. А для многих мужчин – нормально.

– И как же мне тогда быть?! – вскрикнула Наташа, брызгая слезами.

– Нат, ну что ты... Ну хрен с ним, с этим Дэвидом. Получше найдешь.

– Да где?! Видишь, ничего у меня не получается. А тут еще ты с твоими разъяснениями...

– Ну не плачь. Все. Будет с него. Много чести – плакать по какому-то английскому проходимцу... Он еще сам пожалеет. Сто раз еще пожалеет!

Она гладила Наташу по голове, утешая. Подружка вздохнула, успокаиваясь.

– Ну давай тогда выпьем за женскую долю, – предложила, хозяйственно осматривая стол и приглядываясь к закуске.

– Давай, – одобрила Маруся.

– Хотя она у нас с тобой разная, – добавила Наташа, строго взглянув.

– Разная, – не стала спорить Маруся.

– Тебе хорошо... – вздохнула Наташа.

И они выпили за долю. Потом за мужчин. Потом за женщин... Потом Маруся достала еще бутылку.

В общем, когда в кухню заглянул Миша, только что уложивший Колю, девочки уже напились как дураки на поминках. Миша только присвистнул и предложил расходиться по постелям. Но они зашикали на него и прогнали, чтоб не мешал душевной вечеринке. К этому моменту обе обливались пьяными слезами под сентиментальную музыку...

А утром, как водится, явилось похмельное пробуждение. «Силы небесные, – слабо взвизгнула первая же едва оформившаяся мысль в больной голове Маруси, – это ж надо так набраться!» Она с чувством стыда и раскаяния покосилась на спящего рядом мужа, так и не принявшего участия во вчерашней попойке, вспомнила, как он пытался вмешаться, и дала себе слово почаще прислушиваться к Мишкиному мнению...

– Ужас кошмарный, – кряхтела вечером в телефонную трубку явно больная Наташа. – Видела бы ты, как я утром ногой в колготку попадала! Пришлось во всех классах контрольные дать, хоть подремала немного...

Совсем скоро Наташа ушла из школы. Одна из ее взрослых учениц, к которой она ходила на дом давать уроки продвинутого английского, рекомендовала свою учительницу в фармакологическую компанию, где работала сама. Так что Наташа стала секретарем-референтом и очень выиграла в зарплате. Кроме того, вокруг нее теперь было много мужчин, и она снова воспрянула духом, надеясь на большую любовь и серьезные отношения.

– Натка, ну ты будь хоть немного реалисткой, – пыталась охладить ее восторги подруга, с сомнением выслушивая рассказы о нереально замечательных коллегах-мужчинах.

– А как это? – интересовалась Наташа.

– Ну... не слишком доверчивой... – подбирала слова Маруся. – Не исключай, что у человека могут быть неизвестные тебе цели, которые он старается скрыть или выдать за другие. Понимаешь?

– Нет.

– Не стоит верить всему, что слышишь от новых знакомых.

– Но почему?! – опять не понимала Натка.

– Господи! – терялась Маруся. – И когда уже к тебе прирастет хоть какой-нибудь жизненный опыт! Сколько раз ты рыдала из-за мужчин, попадала в неприятности! Опять хочешь?

– Не хочу, конечно, – смущалась Наташа. – Но вообще-то человек может и правду говорить. Или ты это исключаешь? А если ему не верят без всякого основания, он обидится и будет прав.

– Нат, – вздохнув, начинала заново Маруся, – ну послушай меня, просто лучше сначала поближе узнать человека – а *потом* уже втянуться в роман и начинать строить на его счет грандиозные планы.

– То есть все-таки нужно никому не верить? – недоверчиво уточняла Наташа.

– Не совсем. Просто спустись с небес и живи на земле, в реальной жизни, – отделялась метафорой все больше терявшаяся Маруся.

– Да какая это жизнь! – легкомысленно отмахивалась романтичная подружка. – Что я не видела на вашей земле!

– Так ведь лучше уж с небес спуститься, чем свалиться, – пугала Маруся.

– А по-твоему, я обязательно свалюсь, – напрягалась Наташа.

– Слушай, – сердилась уже и Маруся, – у тебя столько мужиков перебивало – неужели не заметила, что вначале они все хорошие и все похожи друг на друга, как близнецы?

– Не надо преувеличивать, – действительно обижалась Наташа. – Ничего и не столько! И ничего я такого не замечала.

– Ну смотри: все вначале во всем с тобой соглашаются.

– И что плохого?

– А то, что это просто тактика такая. Они мимикрируют, они временно меняют окраску, чтобы тебя подцепить.

– А чего меня подцеплять, если я сама хочу их подцепить?

– Да, но цели у вас разные! И мужчина старается замаскировать эту разницу, чтобы получить то, что ему нужно. Главное – внушить тебе, что вы родственные души и хотите одного и того же. Вот он и начинает под тебя подстраиваться. И музыку-то любит такую же, как ты, и фильмы, и время года, и все что хочешь.

– Ну и что? – упрямо не понимала Наташа.

– А то, что вообще-то вкусы у людей редко совпадают. А тут – ну прямо все буквально. Ты, скажем, попу любишь – так и он ее с тобой слушать станет, да еще пританцовывать. Если классику предпочитаешь – сразу окажется завсегдатаем консерватории. Ему без разницы! И так во всем. Ты на выставки ходишь – он объявит себя страстным любителем живописи. Скажешь, «Мишки в лесу» – твоя любимая картина, выяснится, что он как раз обожает Шишкина, авангард тебя интересует – расскажет, будто с трех лет от этого авангарда прется. Да, и еще мужчины при этом любят повторять: ой, ну мы прямо на одной волне...

– А что – разве так не бывает?

– А у тебя так часто было?

Наташа задумалась.

– Пожалуй, действительно только вначале, – признала она.

– Вот! – воскликнула Маруся. – То есть понимаешь? Ему на самом деле по фигу, что ты там любишь и о чем думаешь! Он не станет настаивать на своем – в этот период! – ни в каком вопросе. Потому что сейчас это не главное. В момент ухаживания существует только одна цель: привлечь тебя к близким отношениям. И ты для него дичь. Он на тебя охотится. Он тебя подманивает. И он лжет и фальшивит как дышит, совершенно беззастенчиво – иногда даже и ненамеренно, на одном мужском инстинкте, – потому что ложь и фальшь для него – орудия завоевания!

– Вот умеешь ты всяких ужасов наговорить, – огорченно проямлила Наташа. – Не хочу я быть дичью.

– Так не будь! Я ж и говорю: включай голову, анализируй.

– Ну да, то есть не верь никому! – завернула опять на свое Наташа. – А почему я должна заранее не верить, а? Могут, конечно, и обмануть. Но есть ведь и честные люди! А я так вот буду всем не верить, всех сразу обижать, да? Но сказано же, Марусечка: поступай с другими так, как хочешь, чтобы с тобой поступали! А я-то не хочу, чтобы мне не доверяли.

– Блин! А не хочется тебе понять наконец, почему ты постоянно оказываешься в плачевном положении? Все тобой пользуются, все тебя бросают! – раздражилась Маруся.

Наташа погрузилась и молча отвернулась.

– Ну просто не нужно всем безоговорочно верить, – смягчилась подруга, – человек может оказаться не таким, каким хочет выглядеть, только и всего.

– Вообще-то женщины, когда хотят понравиться, тоже пыль в глаза пускают, – справедливости ради заметила Наташа.

– И это лишний раз доказывает, что люди врут. И что нужно это учитывать. Но, кстати, женщины какие-то более декоративные существа, может, поэтому у них та же ложь выглядит несколько органичнее. И потом, она у нас все-таки не такая беспардонная.

Наташка пообещала Марусе быть осмотрительнее и, в восторге от произошедших в ее жизни перемен, с головой нырнула в манящий мир отношений с новыми мужчинами, а с подружкой теперь общалась урывками.

Однако и Марусе не скучалось: ее повысили в должности на работе, Кольку записали в подготовительный класс гимназии, у мужа Миши обнаружился панкреатит... Забот было много, но нет-нет да звонила Наташке, иногда, если та оказывалась дома – забегала.

– ...Ну да, ну да... – рассеянно мямлила подружка, делая вид, что внимательно слушает сообщение о Мишкином панкреатите. – У нас вот тоже один мужик ест что попало... все всухомятку...

– Наташ, при чем тут сухомятка? – обиделась Маруся. – Я что, по-твоему, плохо Мишку кормлю? Ты что, не знаешь, как я готовлю?

– Да нет, – смутилась соседка, – это я так... Просто в голову пришло. Я не про тебя! Ну, понимаешь... – И она наконец принялась рассказывать о том, что ее действительно занимало: – В общем, начальник мой, боюсь, желудок испортит. Говорю ему: пойдем в столовую, а он – некогда. И точит что попало. Думаю, он просто стесняется со мной ходить, вот и отсиживается в кабинете. Мань, почему меня нужно стесняться? Разве со мной что-то не так?

Маруся вздохнула, смирившись, что подруга не настроена сегодня обсуждать ее проблемы, а хочет поговорить о своих, и спросила:

– Тебя что больше огорчает – что у него здоровье испортится или что в столовую с тобой не хочет?

– Ну, я не знаю, – задумалась Наташа. – Наверное, здоровье важнее, – предположила неуверенно.

– Тогда напоминай, чтобы сходил, когда сама уже пообедаешь.

– Попробую... А почему со мной не ходит, как думаешь?

– Ну да, – согласилась Маруся, – это вопрос. Возможно, не хочет афишировать ваши отношения в коллективе.

– Да, но почему?

– Вообще-то это не принято. Говорят ведь: не спи, где работаешь, и не работай, где спишь. Народная мудрость! Я правильно поняла, что это твой новый друг?

– Правильно, – смущенно согласилась Наташа. – Но мне обидно, что он наши отношения скрывает.

– Он-то грамотно поступает, а ты? Подумай сама, неизвестно ведь, как у вас сложится. Зачем тебе нужно, чтобы твое имя обсасывали коллеги? Есть еще одна народная мудрость: спать с начальником – лучший способ испортить карьеру.

– А не наоборот? – усомнилась Наташка. – Вроде бы некоторые только так карьеру и делают.

– Возможно... – уклонилась Маруся. – Но тебе по-любому лучше избежать сплетен. Особенно если у вас не получится.

– Почему именно мне?

– Потому что ты беззащитная, – отрезала подружка.

Наташка задумалась и наконец сказала:

– Я не хочу, чтобы они думали, что я одинокая. Мне это неприятно. Все сразу считают, что, значит, никому не нужна.

– Вся беда в том, что так считаешь ты сама, – не согласилась Маруся. – А в действительности ведь, может быть, женщина просто не нашла еще себе достойного партнера. И не хочет размениваться на пустяки.

– Если бы все думали так, как ты, Марусечка, – обняла ее подружка. – Но, знаешь, дело не только в этом. Он мне просто действительно очень нравится. Смотри, какого медвежонка подарил на день рождения. Правда ляпа меховая? – Она вся растеклась умилением, глядя на

своего медведя и играя с ним перед Марусиным носом. Та покачала головой и, улыбаясь, отняла игрушку, прижала к себе.

– Холёсенький, – признала, любуюсь.

Соседки еще повозились с медведем, потормошили его, и, воодушевленная одобрением Маруси, Наташа рассказала, как все начиналось у них с шефом, какие это были захватывающие переживания, потому что она видела, что нравится своему начальнику и что он сильно ее хочет.

– Это так заводит! – верещала, тиская медвежонка. – Теперь все по-другому, – Наташа расстроено махнула рукой. – Стал какой-то нервный... То говорил комплименты, а теперь словно выискивает во мне недостатки, сплошная критика. Так обидно. И о будущем, по моему, вообще не думает.

– А ты?

– Я как раз думаю. Мне замуж пора. Я детей хочу.

Неопределенность со стороны начальника (по мнению Маруси – так полная определенность!) очень огорчала Наташу. Но ни на какие новые мысли ее не наводила. Как всегда, она готова была влипнуть по самые уши и уже почти чувствовала себя без памяти влюбленной в переменчивого шефа. Однако и привычный эгоизм одинокой женщины ее не покидал. Желание выйти замуж вполне уживалось с нежеланием подстраиваться под партнера. Вроде бы Наташка всей душой стремилась создать с ускользающим другом крепкую семью, но Маруся не сомневалась: засуетись он в ожидаемом направлении – так подруга еще станет капризничать да отношения портить! Все-таки одиночество – оно же независимость от привычек и вкусов другого – очень затягивает.

Вообще-то, Маруся догадывалась, что не только роман с душкой начальником будоражил Наткино воображение. Был еще какой-то менеджер среднего звена – «такой прикольный, совершенно не вариант... да и женат... но забавный!»; был кто-то из крупных клиентов, или, может, партнеров компании – «офигенный мужик, но...». Этот последний, кажется, особенно занимал Наташу. И она сама себя осаживала, заговаривая о нем. Может, сглазить боялась, может, расчувствоваться себе не давала.

С некоторых пор Марусе казалось, что лучше бы Наташке вообще просто родить поскорее, а то допорхается до безнадёжного одиночества. И кстати сказать, думалось ей, ребенок вовсе не помешал бы потом заниматься тем же самым поиском мужа. Ищи себе уже с маленьким – слава богу, родители живы и внуков заждались! – ищи с уже готовым и неотменимым смыслом жизни. Что ни говори, считала Маруся, а с какого-то возраста наличие у женщины ребенка более естественно, чем его отсутствие.

– Допустим, что так, – вяло соглашалась Наташа, – но не выйдешь же на улицу с плакатом: «Кто хочет стать биологическим отцом?» Ха-ха-ха! Представляю эту давку! – Настроение у нее было смешливое, все вроде бы складывалось неплохо. – Нет, ну не пойдешь же, правда? Нужно сначала с папой определиться. А если он против?

– А ты?

– Ой... Марусенька, ну как тебе объяснить? В общем-то я, конечно же, хочу, но... Господи, да не поймешь ты – сытый голодного не понимает! У тебя вот все хорошо, у тебя Мишаня, Колик растет, ты в порядке, хочешь – рожай второго, третьего, не хочешь – не рожай. А у меня сейчас такие дела – не знаю, что дальше получится... Ну, ты уже все забыла, как это бывает, когда ни до чего, когда только об одном, да? – Ее лихорадило, она кусала ногти и тут же отдергивала руку, жалея маникюр. – В общем, влипла я, Марусь, влюбилась насмерть, как давно уже не влюблялась... Если бы ты только видела его, если б видела! Какой мужчина! Бог! Какой шикарный... Ты понимаешь, в офис входит – ну хозяин идет! Одет – картинка! Такой, знаешь, сильный... как бы это... ну альфа-самец – представляешь себе? Такой вожак, победитель!

– Твой начальник? – кивнула Маруся.

– Тьфу! Начальник... – скривилась Наташа. – Тюфяк этот... Да нет! Ну я ж тебе говорила, есть у нас один партнер, из самых-самых... ну ты помнишь?

– Вроде бы. А начальник-то?

– Маруся, – принялась объяснять Наташа скучным голосом, – ну, я долго с ним билась, толку же никакого. Эгоист отпетый и маменькин сынок, хочет, чтоб только самому было хорошо, а как мне – плевать ему. Да я о нем сейчас и думать не могу, – легкомысленно смеясь, отмахнулась она.

– А тот, другой – он-то заботливый?

– Ой, – счастливо вздохнула подружка, – боюсь, еще хуже. Но, ты понимаешь, этому просто невозможно противиться! Он мой бог, понимаешь? Он с ума меня сводит... Ой, у нас с ним почти всё происходит в машине, все свидания, все дела!

– М-м... Не слишком шикарно, – усомнилась Маруся.

– Так ему же часа лишнего выкроить неоткуда! Это такой человек! Он такими делами ворочает! В общем – не знаю... Что будет? Не знаю... – бормотала Наташа, светясь несомненным и совершенно бездумным счастьем.

– Он не женат?

– Как же! Женат, естественно...

И она опять надолго пропала. А потом позвонила как-то ближе к ночи.

– Мишка дома? – спросила тускло.

– Да.

– Тогда давай ты ко мне.

Она еще похудела, стала совсем прозрачной, смотрела печальными, больными глазами.

– Захворала? – обеспокоилась Маруся. – Ты какая-то бледненькая, Натусь, бескровная... Что обмываем-то?

– А поминки у нас, Мась. Аборт я сделала, – бесцветно уронила подружка. И потекла слезами.

Соседки молча выпили. Марусе не пилося, а Натка здоровохватила. «Не берет, – жаловалась, – ни в одном глазу». Наконец стала рассказывать.

Как узнала про беременность – сердце забилося: рожу, решила, что бы там ни было. А может, еще и *он* обрадуется... Ну, позвонила своему «богу», свиделись, как всегда, в машине. Слушал он недолго, перебил на попытке эмоционального описания чувств, пережитых в женской консультации.

– Так, девочка, – оборвал сбивчивый от волнения рассказ, – тебе сколько лет? Ведь не шестнадцать, нет? Ну и слава богу! Обо мне ты тоже все знаешь, да? У меня что, по-твоему, других проблем нет? Ты меня еще грузить будешь?

– Да я не собираюсь тебя так уж грузить, – постаралась исправить положение Наташа. – И ничего особенного не прошу, только маленькую помощь, хотя бы на первое время. Но это будет мой ребенок, только мой...

– Помощь в чем? Знаешь, давай определимся сразу: меня это все не касается, это ваши женские дела!

– Но тебе не придется ничего менять, просто помочь, совсем немного...

– Наталья! Еще раз повторяю: меня все это не касается! Допустим, ты хочешь рожать, кормить, растить... и что там еще – твое дело. Главное, я ничего не хочу знать! Лично я ребенка не планировал. Поймешь ты наконец, что непорядочно решать свои проблемы за чужой счет?

– Я и не решаю! – горячо возразила Наташа. – То есть я... Ну ты тоже пойми: мне пора родить... возраст. А без средств – как я смогу? Придется ведь не работать какое-то время. Мне же только нужно...

Он опять перебил ее:

– Твои проблемы. Как сможет без средств! Залетала – не думала о средствах? А теперь начинается: сначала помощь на первое время, потом на второе, а потом – в суд на отцовство. Отлично знаю эти штучки!

Наташа молчала, сдерживая судорогу вдоха. Где-то за ребрами обжигал, неровно пульсируя, большой черный клубок безысходности и тоски.

– Ты меня хорошо поняла? – очень внятно повторил Наташин кумир. – Запомни: я в твои дела не лезу, делай что хочешь. Но и ты в мои не суйся. И чтобы обо всем этом я больше не слышал, меня оно не ка-са-ет-ся! Тебе ясно?..

– Наташк, но почему сразу аборт, – не выдержав, крикнула Маруся. – Ну и пошел бы он на хрен, эта скотина партнер! Зато родителям радость, они б малыша на даче нянчили, ты бы на работу вышла через полгодика. А там – ну что вперед загадывать...

– А что назад загадывать! – зло выхрипнула пьяная Наташка.

– Да, да... права, конечно... Дура я, что говорю все это... просто досадно... был шанс...

Наташка смотрела на Марусю почти с ненавистью. Ей уже противно было разговаривать с подружкой, оказавшейся такой одномерной тупицей, которая ничего не поняла, не посочувствовала, а только добила глупыми сожалениями. Но и носить в себе свое беспроектное горе, ни на кого его не выплескивая, не могла она больше, а рядом была только Маруся, и водка кончалась.

– Слушай дальше, – процедила холодно. – Через неделю приезжает с дачи моя маман. Наготовила, как на свадьбу, жаренки всякой – я не ем, противно даже от запахов этих. Она завелась в своей манере, мол, капризная, и ног от истощения таскать не смогу, и здоровье испорчу... Ну, еще материнский труд не ценю и бла-бла-бла... Затянула про поганый характер, что замуж не берут, а они с отцом так внуков и не дождутся. Я тут ей говорю: а не родить ли мне, мамуля, этих вот вам внуков без всякого там мужа, раз уж такая охота понянчить? Нет, говорит, спасибо, дорогая, таких внуков не надо, чтобы все соседи глаза кололи, что дочка – шлюха подзаборная. И на другой день укатила опять на дачу.

– Но она ж всегда хотела! Сколько раз тебя при мне корила...

– Понимаешь, моя мама – женщина очень противоречивая, она сама не знает, чего хочет, но я у нее просто вечно виноватая – и все... Ладно, слушай дальше. Уехала она. А еще через два дня у меня кровотечение жуткое. Пошла к своей врачихе – та говорит: угроза выкидыша, на сохранение немедленно, а то не доносишь. Или на чистку. Спрашиваю: долго сохраняться? (Ты ж понимаешь, у нас на фирме больных не любят, особо не поваляешься.) Она объясняет, что точно никто знать не может, но по опыту при таком хреновом положении не меньше месяца с задранными ногами, и это в лучшем случае. А то и всю беременность в больнице провести! Но и тогда гарантий, что выношу, никаких. Я мозгами-то пораскинула – ну всё, ведь просто всё на свете против этого ребенка, никому-то он не нужен, и даже природа его не хочет! Короче, поревела там же, в приемном, – и на чистку легла. Нет, так что ты думаешь? В выходные прилетает с дачи маман, жизнерадостная такая, и как ни в чем не бывало щебечет: посмотри, Натуля, что я нашему бутузу купила! Достает, значит, мисочку эмалированную и кружечку с рисуночками – медвежонок там, что ли, какой-то, или зайчик... Ну, я ей говорю: капец, говорю, мутер, нашему бутузу, пролетели мы с ним как фанерка над Парижем. Вам бы пораньше, говорю, с вашими медведями выступить... Так что... Такие вот дела, Маруся... Выпьем давай, а то я выть начну.

Маруся все пыталась нащупать слова утешения, но ее сносило на сожаления о неправом:

– Нет, Нат, ну почему ж ты не легла на сохранение!

– Да!! А кто бы меня содержал, пока я лежала бы да рожала?! – пьяно кричала Наташка, вскидывая мокрое, красное лицо. – Мама с папой?! На пенсию свою, да? Это нищета! Ты не

понимаешь? Я ж говорю, не понять тебе! Если бы еще не угроза! А то всё против меня! Ведь я могла так провалиться месяца три, потерять работу – и остаться в результате ни с чем: и без работы, и без ребенка! Мне ж сказали: гарантий никаких! Ну, если бы мама уговорила... Или он хоть чуточку обрадовался, а так...

– А почему ты толком не объяснила маме про беременность?!

– Да сказала я... Ну, намекнула. Все она поняла, не сомневайся. Просто у нее тогда настроение было ругательное. А маман таких случаев не пропускает: сразу спешит моим воспитанием заняться... Ты не представляешь, как это страшно – быть совсем одной!

– Это я как раз представляю.

– Да не представляешь ты! У тебя Колечка от мужа родился – желанный, жданный!.. А тут одна-одинешенька, перед стеной проблем! Кругом виноватая, без средств, без сил... Да я жить не хотела!..

– А мне почему не позвонила? – рывкнула Маруся, тоже смахивая слезы.

– А! – зло отмахнулась Наташа. – У тебя свое – у меня свое...

Маруся с трудом уговорила отчаявшуюся пьяную подругу покинуть кухню и лечь спать. Наташа скулила, отбиваясь. Потом, рыдая, обнимала Марусю. Потом всхлипывала и тряслась с закрытыми глазами, пока Маруся кутала ее в три одеяла...

Вечером другого дня, наспех приготовив еду, Маруся кинулась звонить Наташе, чтобы позвать на ужин. Наташка отвечала хмуро и скупо.

– Не хочу я, – бубнила она. – Что ты, как моя маман, пристаешь... Оставьте уже меня все в покое. Дайте хоть сдохнуть, что ли, без вашего участия.

– Наташ, я сейчас приду! – крикнула Маруся и, бросив трубку, рванула к подруге, захватив запасные ключи от ее квартиры, хранившиеся у нее на всякий случай.

Растрепанная Наташка угрюмо бродила по дому в старой пижаме.

– Как ты меня пугаешь! – бросилась к ней Маруся. – У тебя что-то болит?

– Я вся болю, – недружелюбно отозвалась та. – Ну чего приперлась? Помощь не нужна. И вообще я спать ложусь.

– Рано спать-то, – напомнила подруга. – Почему сказала, что сдохнешь?

– Да не сдохну я, не сдохну! – поморщилась Наташа. – Иди уже к семье, дай мне отдохнуть спокойно.

– Ну, Натусь, – села рядом Маруся, – я же волнуюсь.

– Есть у тебя за кого волноваться. И мне не до тебя. Правда, иди домой. Не хочу я никого. И свет погаси. Ложиться буду.

– Ты правда спать?

– Правда. Да не бойся, если уж тогда руки на себя не наложила, сейчас точно не сделаю.

Маруся ушла. А Наташа, лежа в темноте без сна, пыталась представить себя мертвой, в гробу. Ее немного огорчали рыдающие родственники, которых она воображала вокруг. Они портили всю картину избавления от проблем и мучений, рисовавшуюся в мечтах о смерти. Плачущая мама была положительно невыносима. «Да никогда я этого не сделаю, – мрачно убеждалась Наташа. – Ясно же. Уж если тогда не стала...» Потихоньку она заснула. Она привыкла теперь засыпать под такие мысли. Спала без снов. А проснувшись, почти сразу вспоминала, как током ударенная, что все плохо. И что жить совсем не хочется. И до чего же противно встречать очередной бесконечный черный день – и делать вид, что все нормально. А все было ненормально. Холодно, пусто, одиноко и безнадежно. И все потому, что не получилась она у родителей, вышла вот такой уродиной и дурой, которая никому не нужна, которую никто не любит и, разумеется, не полюбит никогда, потому что не за что...

Депрессия Наташки тянулась уже которую неделю и казалась безнадежной, пока не сбылась ее великая мечта.

Еще маясь собственной никчемностью, Наташа поняла, что у нее есть одно могучее желание. Впрочем, оно было и раньше, но никогда не вырывалось так властно на первый план и не становилось такой навязчивой идеей. Наташе страстно захотелось иметь шубу! И не просто шубу – а брендовую, норковую и до пят. Эта запредельно дорогая для нее вещь сулила совершенно новую жизнь. Только такая шуба могла компенсировать ее чудовищные недостатки, из-за которых всё складывалось настолько по-дурацки. Теперь в беспросветной черноте постылой жизни замаячила светлая крапина – где-то существующая шуба ее мечты. Образ долгополой норочки появился именно сейчас, когда она дошла до края тоски. И Наташа начала копить деньги. Во многом себе отказывая, собирая рубль к рублю и постоянно бродя по меховым салонам. На работе ей выдали небольшой кредит – все позитивное, что в ней осталось, сосредоточилось на мечте.

Наконец, в один из субботних дней, ей позвонила возбужденная Маруся, которая прокричала в телефонную трубку:

– Натка, бросай все и приезжай «на горку»! Помнишь этот магазин, где мы с тобой...

– Помню, – перебила Наташа.

– Ну, короче, здесь есть то, что нам нужно, маленького размера! Итальянская! И главное – по очень пристойной цене.

– А сколько? – замирая, откликнулась Наташа.

– Бери все! Я еще добавлю...

Они бодро шагали домой с вытаращенными от расправившей их радости глазами, размахивая пакетом с вожаденной шубой, бурно обсуждали покупку. Это было просто чудо! Шуба сидела так, будто Наташа родилась в ней. Она никогда в жизни не видела подобной красоты. Светлый, нежный, струящийся мех – в нем Наташа выглядела волшебю. Лицо казалось особенно юным и романтичным, глаза сияли. Она счастливо плюхнулась на диван рядом с любующейся ею Марусей и сказала:

– Мась, ну познакомь уже меня с кем-нибудь...

Наступил Новый год. Светлая крапина мечты в некогда беспросветной Наташиной жизни, превратившись в роскошную обнору, вытеснила депрессию и вернула надежду и действительностный энтузиазм. Правда, пока про ее «новую» жизнь, вроде бы обещанную чудошубой, больше сказать было нечего. Как бы то ни было, норочку свою Наташа обожала. Даже на празднование к Марусе поднялась в ней, хотя подруг разделяли всего несколько этажей. Зашла в квартиру и пробежалась по комнатам, не раздеваясь. Никого не встретив, она зашла к Марусе, на кухню.

– А что, гостей нет? – спросила разочарованно.

– Будут, – пообещала хозяйка. – Давай помогай мне, а то зашиваюсь.

– А Коля где?

– Мишка к бабушке повез.

– А... Так будут гости? – не успокаивалась Наташа.

– Будут тебе гости мужского пола, не волнуйся. Я ж обещала.

– Ага... Тогда я потом еще к себе спущусь... Забыла кое-что...

Наташа собиралась вновь триумфально пробежаться в шубе по Марусиной квартире, когда все соберутся и будет кому ее демонстрировать. Наконец раздевшись, она поцеловала любимую шубку, утопив лицо в нежнейшем меху, и, радостно напевая, принялась помогать на кухне.

Гости повалили как-то сразу, толпой. Это были однокурсники Мишки, все врачи, две девчонки и шестеро парней. Наташа ликовала. Огорчало одно: момент был упущен – продефилировать в норке уже не удастся.

Маруся сто лет знала всю компанию, а для Наташки это был настоящий клондайк. Она надела новое струящееся вечернее платье, которое ей очень нравилось. Маруся, правда, считала, что платье подчеркивает Наткину худобу, но Наташа, в свою очередь, думала, что у Маруськи просто пунтик такой, с тех пор как та набрала несколько килограмм лишнего веса. В общем, сегодня был явно Наташин день. И она смотрела в будущее с надеждой и радостным сердечным замиранием.

Среди прибывших мужчин двое были настоящие обаяшки. Правда, первый оказался мужем одной из девушек, тоже однокурсницы, пришедшей вместе с ним. А второй еще в пору студенчества, и даже еще до Мишкиного женитьбы, был Марусиным поклонником. Тогда они все тусовались в одном туристическом клубе – и сейчас этот давнишний претендент на Марусину любовь активно принялся ухаживать за своей бывшей пассией. Так что Наташа, вздохнув, отступилась и обратила внимание на прочих гостей.

Вообще-то и оставшиеся четверо парней казались ей в целом очень даже ничего. Однако постепенно выяснилось, что один работал гинекологом, еще один – маммологом. Это почему-то сразу отвратило от них Наташу, и, в общем, выбирать приходилось уже из двоих. Их специальности – окулист и эндокринолог – ничем ее не смущали.

Эндокринолог Володя сразу понравился больше окулиста. К тому же он гадал всем желающим по руке, что было необычно и выглядело интригующе, добавляя доктору очков. Но, присматриваясь к нему, Наташа с недоумением отметила, что еще до начала общего застолья Володя опрокинул в себя фужер водки – за здоровье хозяйки. И потом, пренебрегая шампанским и другими «пустяками», даже не дожидаясь тостов, увлеченно глотал водку, причем по-прежнему презирал рюмки как неподобающую тару.

– Ну что, – подскочила к Наташе Маруся, в очередной раз сбегав на кухню за сменой блюд. – Выбрала кого?

– Кажется да, – неуверенно кивнула подружка. – Мне Володя нравится.

– Слушай, – замялась Маруся, – я тебя не предупредила, думала, сама заметишь...

– Что? – испугалась подружка. – Женат?

– Да какое, – отмахнулась Маруся. – Развелся давно. В том-то и дело! Володька же из них самый пьющий, из-за этого и жена ушла. Он еще в институте такой был. Алкоголик, в общем. Или что-то около.

– Не может быть, – прошептала огорченная Наташа. – А погадать-то он сможет?

– Сможет, – пообещала Маруся. – Давай только быстрее.

Но когда они подбежали к гадателю, было поздно. Тот лишь посмотрел на них мутно и, произнеся: «Девчонки, люблю...», – упал головой на стол, отключившись. Так что у Наташи теперь остался только один кандидат.

Между тем кремлевские часы добились последние удары. Под бой курантов старый год отвалил в небытие. Зазвенели бокалы, и все кинулись целоваться. И поздравлять друг друга, и обниматься, и надеяться на лучшее. А лица были такие счастливые, словно все задуманное уже сбылось. Такие иррационально счастливые лица Маруся замечала у людей только в Новый год.

И уж конечно, новогодними иллюзиями, как никто, была полна самая наивная гостья в доме Маруси и Миши – непоправимо доверчивая Наташа. Преданными глазами она смотрела на последнего из прибывших на праздник «женихов» – Алешу. Наблюдая эту парочку из другого угла комнаты, Маруся видела, как уютно они шепчутся в уголке дивана, – и удивлялась. Алешка вообще-то считался неловким валенком, ботаником и занудой. Он до сих пор не был женат, никто никогда не видел его вдвоем с девушкой – и в принципе, она давно уже готова была озаботиться его одиноким положением. Но свести их с Наташкой специально не приходило Марусе в голову – очень уж безнадежным недотепой и маменькиным сыночком слыл Алексей в компании, чтобы она могла рекомендовать его лучшей подруге. И

вот сейчас этот нескладный увалень интимно что-то нашептывал Наташе, а та, распахнув глаза, кивала, приоткрыв в изумлении рот. «Ишь ты», – подивилась и порадовалась Маруся. Проходя мимо них, она с любопытством прислушалась, замешкавшись возле буфета... И с разочарованием обнаружила, что Наташка благоговейно внемлет всего лишь рассказу о каких-то глазных болезнях.

– В принципе, дальтонизм встречается не так уж редко, – с профессиональным бесстрашием просветительствовал ее собеседник. – Вообще, цветовыми аномалиями страдает примерно пять процентов человечества. И на каждый миллион приходится двадцать пять субъектов, совсем не различающих цветов. Ни-ка-ких. Полное выпадение функций цветковых рецепторов всех типов.

– Ну надо же! – Наташа с преувеличенным вниманием качала головой, и все говорило о ее горячей готовности влипнуть в очередной раз.

«Ладно, чего уж там, – подумала Маруся, – и то хорошо для нашего бирюка, что так долго развлекает девушку...»

Тем временем Марусин поклонник, пользуясь увлеченностью Мишки ученым спором с друзьями-коллегами, потянул Марусю в кухню, где они, поддавшись все тем же новогодним иллюзиям, принялись ностальгически целоваться. Так что Маруся упустила какой-то этап развития событий в отношениях Натки и Алеши. А когда вернулась в гостиную, обнаружила, что Алексей, явившийся на праздник прямо с двенадцатичасового дежурства, мирно спал, прижавшись щекой к спинке дивана, тихо улыбаясь во сне. А Наташа, сидя за столом, болтала с педиатром Настей, время от времени стреляя глазами в спорящих мужчин и прислушиваясь к их разговорам.

– Парни, хорош полемизировать! – закричала Маруся на всю комнату. – О девушках забыли!

Это, конечно, не могло пробудить алкоголика Володю, но бодрствующих спорщиков встряхнуло и заставило вернуться к застолью. От того же Марусиново вскрика проснулся окулист Алеша и улыбнулся Наташе через стол кривой, но явно лично ей предназначенной улыбкой. Да и новая порция шампанского, только что выпитого махом, подействовала – так что Наташа почувствовала себя счастливой. И даже закричала «ура!»...

– Ну как тебе Алексей? – Маруся прямо приступила к делу, позвонив подруге на другой день.

– Ну... так... ничего, – неуверенно отозвалась Наташа.

– А чем у вас кончилось?

– Ничем.

– Он что – ничего не предложил? Никуда не пригласил?

– Нет.

– Знаешь, меня это вообще-то не удивляет. Он у нас всегда был не по женской части. Но ты ему понравилась, это точно. Уж поверь мне. Обычно он с девушками рта не раскрывает. А тебе вон целую лекцию прочел. Так что давай действовать.

– Давай, – вяло согласилась Наташа.

– А что? Интеллигентный холостяк, тридцати еще даже нет. Врач. Живет с мамой в двушке. Тоже, я думаю, давно уже замуж хочет.

– Жениться, – поправила Наташа.

– Даже не знаю, что в его случае точнее. Он у нас совсем как красная девица. Инициативы вон малейшей не проявил. Ладно. Я ему позвоню, наведу на мысль, чтобы пригласил тебя куда-нибудь.

– Ну попробуй.

– Так. Ты куда хочешь?

– Ну, не знаю. Может, в театр?

– В театре придется три часа сидеть молча и смотреть на сцену. А вам толком познакомиться нужно. Лучше в ресторан, может быть?

– Ой, нет, в ресторан с ним я как-то пока стесняюсь... Может, в галерею? Там тихонько поговорить можно.

– Идет. Пойдете в Третьяковку.

Через десять минут она опять позвонила.

– Все готово, – отрапортовала. – Лешка в наших руках. Ты ему понравилась. Сегодня он тебе позвонит и пригласит на свидание...

И по дороге в Третьяковку, и в самом музее Алеша приступообразно заходилась долгими рассказами, наводившими на Наташу тяжелую дремоту. Это был удивительный человек: казалось бы, по уши напичканный самыми разнообразными сведениями, словно энциклопедия, он почему-то совершенно невольно заставлял девушек изнывать от скуки. Трудно было понять, в чем тут дело. Что она ему действительно нравится, Наташа почувствовала сразу, что и сам он хочет понравиться, было очевидно, но время свидания с Алешей тянулось как резиновый клей, превращаясь в тоскливое ощущение бесконечности каждой минуты.

– Жаль, что сейчас не лето, – сказал он, провожая ее домой. После этого в речи его возникла долгая пауза. Он вообще так говорил: торопливый, сбивчивый поток – потом внезапно тишина. И опять лавина слов, за которой воцарялась угрюмая пауза. Наташа не перебивала, только слабо улыбалась из вежливости. Алеша в очередной раз отмолчался и, сверху вниз заглядывая ей в глаза, продолжил свою мысль: – А то бы на речном трамвайчике покатались. Кстати, речной трамвай появился в Москве в тысяча девятьсот двадцать третьем году...

Домой она явилась совершенно изнуренная и сразу побежала к Марусе.

– Слушай, – сказала, – он такой умный...

– Ага, – удовлетворенно кивнула подруга, – значит, понравился?

– Нет, – помотала головой Наташа.

– А что не так?

– Он... я не знаю... Он как попугай, все время говорит... Мне с ним скучно... Не знаю почему...

Она вернулась к себе, и тут же зазвонил телефон.

– Алло, – сказал Леша в трубке, – Наташа? Извини, что сразу звоню... Я хотел сказать – мама приглашает тебя завтра к нам на обед. Только не забудь купить цветы для мамы...

«Мог бы и сам подарить. И мне, кстати, тоже, пентюх», – зло подумала Наташа и вслух произнесла:

– Завтра не смогу. Я уже договорилась.

– Как это? – опешил Алеша. – А что ж я маме скажу?

– Что я завтра не могу.

– Ну хорошо. А когда ты можешь?

– Скажи маме, что я тебе не понравилась.

– Я уже сказал, что понравилась.

– Скажи, что пошутил, – почти рявкнула Наташа, борясь с подступающими слезами, и отключила связь.

До весны у нее прокрутился еще один полноценный, но ураганный роман. Они познакомились в метро, он был весельчаком и красавчиком, моложе на три года. Наташа ехала на каток – и он увязался за ней. Несмотря на почти повсюду сопровождавшую ее робость, каталась на коньках и плавала она очень смело и хорошо. Так что в тот день Виталику смогла показаться во всей красе. Сначала они вместе покатались, не переставая смеяться, потом пошли в кафе и там тоже хохотали до слез. И нельзя было даже сказать, что у Виталика были

какие-то особо смешные шутки. Но просто весь его настрой был такой – легкомысленный и смешливый, и при этом ужасно заразительный. И еще он все время повторял, что они с Наташкой буквально во всем на одной волне. Прямо во всем во всем!

После кафе гуляли по улицам и целовались. Виталик грел руки под ее курткой, глядя грудь, не переставал смеяться и тоже распахивал свою куртку, чтобы Наташа погрелась. Она обнимала его, сцепляя руки у него за спиной, и прижималась крепко. Потом он пригласил ее к себе. И она испугалась. Ей показалось, что это как-то уж слишком быстро, она замотала головой и предложила встретиться завтра. Но он тоже страшно испугался и перестал хохотать, а схватился за сердце, сказал, что ему плохо и чтобы она отвела его вон на ту скамейку под фонарем и посмотрела, не побелело ли лицо. Потому что, если побелело, значит, опять сердечный приступ. Она обомлела и, усадив Виталика на скамейку, вглядывалась в его лицо со скорбно закрытыми глазами и замечала несомненное побледнение. Виталик открыл глаза и сказал, что это результат сердечного приступа, что он сразу в нее влюбился, но раз она его не полюбила, то он лучше наложит на себя руки. Или даже не станет этого делать – все равно с таким сердцем и с безответной любовью долго ему не протянуть и он без нее умрет, обязательно и точно умрет. На что Наташа уже так испугалась, что на все, что он хочет, согласилась, и они поехали к нему домой и провели бурную ночь. А утром отправились опять на каток. А потом ей пришлось ехать к себе, потому что было воскресенье и завтра нужно было на работу. Но договорились, что теперь он придет вечером к ней...

И так протянулись в любовном и веселом чаду три недели, причем все дни были похожи друг на друга. Они хохотали, трахались, пили пиво, резались в компьютерные игры, дрались подушками, катались на коньках. Наташка едва успевала ходить на работу, и то брала отгул за отгулом. Она так устала от этого непривычного режима, от недосыпа, от многолитрового пивного марафона, что почти не огорчилась, когда Виталик сказал, что их роман окончен. Она все же спросила, что так вдруг. И он объяснил, что вообще-то сейчас учится пикапу и, если бы тренер узнал, сколько времени он потратил на одну девчонку, он бы поднял его на смех. Что пикаперу вообще довольно одной встречи с одной девушкой. Но так как Наташка ему понравилась, он не смог ее сразу оставить и давно уже грубо нарушает все святейшие заповеди пикаперской науки.

Наташка отоспалась и автоматически погрузилась в новую микродепрессию. Это было все то же уныние и отсутствие желаний, только, как говорится, труба пониже и дым пожиже, да и прошло само собой и довольно быстро, оставив по себе сниженное настроение да тяжелую лень. И только с пробуждением природы, с первыми шагами настоящей отчетливой весны, Наташке снова захотелось, чтобы кто-то был рядом. Снова захотелось любви.

Она стояла перед распахнутыми дверцами гардероба и, застыв, созерцала его содержимое. Волновалась и никак не могла сосредоточиться на выборе. А выбор наряда сегодня был особенно ответственным: ей предстояло свидание «вслепую»! Тетя Катя устроила Наташе знакомство с племянником своей приятельницы. Женщины вместе работали, тетя Катя как-то разговорилась о Наташе, чудесная, дескать, девочка, хозяйственная, уютная, симпатичная – а все одна да одна. И та, вторая тетушка, всполошилась, все, мол, то же самое с ее племянником – и солидный, и серьезный, и разумный, а тоже никак вот не найдет себе хорошую девушку. Тетушки подхватились – ой да ой, так что ж мы сидим, давай сосватаем...

Наташа, в общем-то, благодарна была тете Кате, но и боязно было знакомиться таким непривычным образом. Этот Андрей ей позвонил вчера, сказал, что он от тети Оли, что тетя Катя должна была ее предупредить. Она подтвердила, да, мол, говорила, сказала, что не против встретиться и познакомиться. Потом в разговоре вышла заминка. Наташа так поняла, что и ее собеседник, наверное, подумал о том же: а вдруг это совсем не то, а вдруг эта встреча –

только потеря времени... Ей хотелось спросить: а ты какой? И он, должно быть, думал о том, какая она. Наконец Андрей сказал:

– Тетка говорила, ты симпатичная...

– Моя тоже говорила, ты симпатичный...

– Я-то нормальный... – согласился Андрей.

– Ну и я нормальная, – успокоила Наташа.

– Мне вообще-то брюнетки нравятся, – признался Андрей. – Такие... яркие...

– Я скорее блондинка. Светло-русая. Зеленые глаза, пухлые губы.

– Губы – это хорошо, – одобрил «жених». – Мне вообще такие видные девчонки нравятся, – добавил он подробностей.

Наташа не считала себя «невидной» и потому дала понять, что и с этим у нее все нормально.

– Ну а ты-то какой? – тоже осмелела она, раз он получил уже о ней так много информации. – Мне нравятся... такие, ну... не мелкие...

– Да никто вроде не жаловался, – усмехнулся Андрей.

Потом они договорились о встрече назавтра. Определили место и время. Для простоты опознания друг друга она обещала прийти в белом плаще, он – в черном пальто и полосатом шарфе.

И теперь Наташа застыла у шкафа, пытаясь выбрать наряд, в котором бы выглядела особенно выигрышно. Заставила себя сосредоточиться на задаче, попробовав сделать выбор методом исключения. Метод принес результаты – она отбирала уже из трех вариантов, когда позвонила Маруся.

– Не могу, не могу, – возбужденно объявила Наташа. – У меня сегодня свидание!

– Да ну? – обрадовалась подруга. – С кем?

– Потом расскажу. Нас познакомили... Ну потом, в общем, все потом.

– Хорошо. Давай там только поосторожнее, – напутствовала Маруся. – И смотри в постель сразу не прыгай. Кому-то это, может, не повредит, а тебе ни к чему.

– А кому не повредит? – залюбопытствовала Наташа, не обидевшись.

– Ладно, не отвлекайся. У тебя сегодня свидание, – напомнила подруга. – Потом поговорим.

– Угу, угу, – закивала Наташа. – Завтра позвоню и все-все расскажу.

На выходе из метро, где условлена была встреча с незнакомцем, Наташа уже довольно долго всматривалась в прохожих. Но все проходили мимо. Наконец ей пришлось признаться себе, что никуда не уходит и продолжает топтаться неподалеку только один неприятного вида невысокий толстый парень с быковатыми повадками и сонным круглым лицом, которого она автоматически окрестила «кабаном». И на нем – увы – несомненно было надето черное короткое пальто, на котором красовался завязанный мягкой петлей полосатый шарф. Видно было, что толстяк пытается выглядеть плейбоем. Но в результате лук у него был, скорее, приклатненный. Он тоже косил на нее, но, похоже, тоже рассчитывал на что-то другое. Наконец «кабан» развернулся к ней и вразвалочку пошел на сближение.

– Ты Наташа? – уточнил он, бесцеремонно осматривая ее с головы до ног.

– Да... А ты Андрей? – не в силах скрыть разочарования, на всякий случай спросила она. Хотя и так уже все было ясно.

– Ну я тетю Олю убью, – пробормотал себе под нос толстяк. – Дык... это, – брезгливо обратился он к Наташе, – а че худая такая?

Наташа оскорбилась. Как ни была она полна сомнений на свой счет, а не ожидала, что получит настолько низкую оценку от подобного ничтожного, на ее взгляд, субъекта.

– А ты чего такой маленький и толстый? – не удержалась она.

– Х-ха, – ядовито усмехнулся парень. – Ты еще чем-то недовольна? – Видно было, что он уязвлен, возмущен и разочарован.

– Да всем буквально! – взъерилась Наташа. И вспомнила некстати, как Маруся заклинала ее не прыгать в постель к новому знакомому прямо на первом свидании. «Да с этим – только по приговору суда, – с отвращением подумала. – И то только, если таким образом можно будет избежать смертного приговора». Эта мысль показалась Наташе достаточной мстостью, и она уже спокойнее сказала: – Ну, в общем, ты тоже не мой вариант.

– Та же фигня, – презрительно выдавил парень, с брезгливостью снова ее осматривая. – Я ж тебе сказал, что мне видные девчонки нравятся, яркие, с формами... – упрекнул он досадливо.

– Да я тоже говорила, что предпочитаю крупных... – не осталась в долгу Наташа.

– Я что, по-твоему, – мелкий? Во мне весу восемьдесят пять...

– Честно говоря, не имела в виду вес.

Он свирепо зыркнул на нее, но промолчал.

– Так что будем делать? – спросила она.

– Ну, можем сходить куда-нибудь, – лениво высказался он.

– Спасибо, что предлагаешь, – оценила она. – У меня другое предложение: я ведь тебе не понравилась? Ты тоже – не мой человек... Может, не будем время терять?

– Как хочешь, – процедил он, развернулся и пошел восвояси.

– Ну?! – рывкнула Маруся, когда уже тем же вечером услышала в трубке Наташин голос.

– Все просто ужасно, – уныло сообщила подруга.

– Что еще случилось? – испугалась Маруся. – Что он тебе сделал?

– Ничего... Просто я уродина и дура.

– Здрасьте приехали. Давай рассказывай.

– Тебя не удивляет, что я уже сегодня звоню?

– Не тяни, рассказывай.

– Просто наше свидание длилось всего минут пятнадцать, – с горьким сарказмом сообщила подружка.

– Почему?

– Я ему совсем не понравилась.

– Да? А он тебе? – осторожно спросила Маруся.

– Да ужас. В том-то и дело. Это хуже всего. Он такой урод – а на меня смотрел как на... как на... – Наташа силилась и не могла подобрать слова, которое вполне отражало бы степень брезгливости, померещившуюся ей во взгляде этого противного Андрея.

Маруся бросила трубку и бегом спустилась к подруге.

– Слушай, – кинулась она утешать с ходу, не понимая, впрочем, в чем проблема. – Ну и наплюй! Наплюй – и все.

– Наплюй... Просто когда даже такой... и тот смотрит на тебя как на... Значит, я вообще... Значит, я еще хуже, чем сама о себе думаю. А я и так о себе думаю совсем плохо. – Наташа заплакала очень горько. И Марусе стало ее ужасно жалко.

– Глупенькая ты моя! – сказала она, прижимая подружку к себе. – Да ты просто прелесть. А этот, судя по твоему описанию, такое мурло, что тебе оно и с доплатой не сдалось!

– Мне – да! – прорыдала Наташа. – Но и я ему, получается, тоже даром не нужна. Даже такому не нужна, понимаешь? Я хуже всех...

Маруся гладила ее по волосам и шептала опровержения. А сама думала, что, может, в Наташке и правда что-то не так. Все-таки капля точит камень не силой, но частым падением.

А Наташка уже столько лет точила капля за каплей камень Марусиной веры в нее. Слова утешения и поддержки у Маруси были на исходе...

– А кому все-таки с первого свидания можно соглашаться на секс? – вспомнила вдруг Наташа.

– Ну вот уже из вопроса понятно, что не тебе! «Соглашаться»! – воскликнула Маруся. – Это годится для тех девушек, которые в себе уверены. Кто этим занимается для собственного удовольствия, а не «соглашаются», чтобы угодить мужчине. Да мужчины такие «подарки» и не ценят. Хотя охотно пользуются.

– Понятно, – грустно кивнула Наташа. – С Виталиком у нас прямо в день знакомства вышло. Началось на катке, а закончилось в постели. И всего на три недели хватило. Так он говорил, что для него и это-то слишком долго.

– Ой, твой Виталик! – возмущенно отвернулась Маруся. – Видела я этого клоуна. Как ты вообще с таким могла, а тем более – в первый день, совершенно не зная человека?

– Да нормальный он парень! Веселый, – улыбнулась Наташа. – Слушай, а ты бы как поступила, если бы тебе человек сказал, что он без тебя умрет, а? Вот как бы ты...

Она не успела договорить – Маруся откинулась на диванную подушку и захохотала ей в лицо как сумасшедшая.

– Ой, не могу, – твердила она.

– А что ты заходишься-то? – хмуро смотрела на нее Наташа.

– Ой, Наташка, ну ты ж так утомишь, – говорила Маруся, досмеиваясь. – Ну как можно верить такой белиберде?! Как?!

– То есть ты всегда видишь только циничный вариант развития событий, да? – перешла Наташа в наступление. – То есть никакого другого и быть не может, так?

– Да может. Но всему же есть границы. Ну верить, что парень умрет из-за отказа едва знакомой девушки...

– Да у него же сердечный приступ был! Настоящий! Он побледнел! – закричала Наташа.

– Слушай, сейчас я сама умру, потому что ты мне мозг выносишь! Наташ, – взмолилась Маруся, – ну подумай, может ли мужчина стремиться трахаться, если у него сердечный приступ?! Ну подумай своей головой, когда мы этим занимаемся, пульс вдвое увеличивается! То есть нагрузка на сердце – вдвое! Понимаешь? По-твоему, реально, что мужчина, у которого сердце прихватило, кинется в постель с женщиной?

Наташа угрюмо молчала.

– Он сказал, убьет себя, – наконец буркнула, отводя глаза.

– О господи! – вздохнула Маруся.

– Да! Сказал! И я поверила! – заорала Наташа. – А что я должна была думать? Вот он говорит: умру без тебя. И что? Не верить? Но почему? А вдруг правда умрет? Вдруг что-то с собой сделает? Нет, ну почему, почему я должна быть уверена, что это просто слова? Откуда взять такую уверенность? Да лучше что угодно, лучше выглядеть душой, чем стать причиной смерти человека!

– Наташ, – испугалась ее одержимости Маруся, – ну ладно, ну, может, правда, может, каждому свое. Вот у тебя, допустим, судьба быть доверчивой. Ну и ладно. Ну что я тебя сужу... Сама не понимаю.

Наташа молчала, наклонив голову. Лицо у нее было совсем детским и несчастным.

– Я не знаю, – опять стала оправдываться Маруся, – просто хочу, чтобы ты была счастливой. Вот и пытаюсь настроить тебя... быть более... реалистичной...

– Маруся, но вот если я такая вот доверчивая, как тебе не нравится, и если это реалистично – почему другие не могут быть такими же? Не может же быть, что я такая одна-единственная.

Маруся подумала, что, в конце концов, у каждого своя правда. И что Наташина правда в общем-то довольно убедительна. По крайней мере, она могла сейчас посмотреть на все происходящее Наташкиными глазами.

– А давай выпьем, – как всегда в трудную минуту, предложила она. – За любовь и дружбу!

Подруги выпили вина и обнялись. Они любили друг друга и дружили много лет. Чему не мешало даже то, что Маруся имела замечательных мужа и сына. А у Наташи семьи не было, и ей катастрофически не везло в любви...

– Слушай, – вспомнила Маруся, – мне тут Лешка звонил. Помнишь – окулист? Спрашивал про тебя.

– Лешка? – удивилась Наташа. – Да что ты!

– Ну да. Видать, запала ты ему в душу. Да и жениться пора. Скоро тридцатник, как ни крути – а пора.

– Да... Я вот тоже – заневестилась.

– Нет, но ты не волнуйся, я ему сказала, что у тебя совсем нет времени и что ты вообще никаких отношений не хочешь. Ну чтоб его не обижать.

– Ну и зря, – шевельнула бровью Наташа. – Я вообще-то не против. – Она прямо посмотрела на Марусю.

– Ты серьезно?

– Знаешь, я тут подумала... Я всех своих мужчин перебирала, и так у меня получилось... Понимаешь, это мой вариант.

– Не поняла... – Маруся замотала головой и поправила: – Не говорю, что это не так, просто не понимаю ход мысли. Поясни.

– Я когда думала обо всем, у меня вот что вышло: он единственный, кто не тянул меня сразу в постель. И не вешал мне на уши никакой лапши. И при этом действительно во мне заинтересован. Я не знаю, может, доля у меня такая, что мужчины мной только пользоваться хотят. А этот... Как брешь в приговоре, понимаешь? Вдруг появляется тот, кто не хочет пользоваться, а хочет... не знаю, чего-то другого. Это как недогляд судьбы – проскочил такой один-единственный. А я его отсекала. И зря, наверное. Вот пропущу – и все дальше так же и пойдет, как всегда было. Выходит, только с ним у меня может какой-то новый вариант получиться. Вот... Как-то так.

– Ну ты завернула! – искренне восхитилась Маруся. – А какой вариант? Да вдруг зануда и маменькин сынок – еще хуже?

– Ты меня так не настраивай. Это самое простое – смотреть по поверхности, – сказала Наташа. – С ним хоть детей рожать можно, он, по крайней мере, никуда не денется.

– Ну попробуй. По расчету, так сказать. По нестандартному. Все, типа, одинаковые, и только один, самый нелюбимый, предлагает что-то новенькое, самое неинтересное. – Она рассмеялась, чтобы подруга подумала, что это шутка.

– Попробовать надо, – пожала плечами Наташа.

Подруги опять обнялись и снова выпили.

Все с начала...

Папа всегда смотрел на меня любя. Говорил:

– Лапа моя – самая красивая, самая умная!

Он говорил:

– Лапа – лучшая девочка на свете.

И восклицал недоверчиво:

– И где же это, интересно знать, родился тот принц наследный, которому лапа в жены достанется?!

Подчиненные отца и курсанты, конечно, представить не могли своего сурового полковника таким сентиментальным. Я же не могла представить его другим.

Мама не разделяла папиных восторгов, она предпочитала мне моего брата. Но я-то выросла под папиным крылышком. И потому тоже очень сомневалась в реальности существования того счастливчика, которому со мной так неслыханно повезет.

В общем, когда *он* появился на институтском вечере, когда склонился ко мне в приглашении – то ничем и не поразил меня, кроме роста. Принц – не принц, но потанцевать-то ведь можно... В танце выяснилось, что родители у него дипломаты и сам он заканчивает наш институт и отбывает в трехмесячную командировку в Англию. Мы стали встречаться. Георгий был действительно влюблен, так что я по прошествии времени, уже не задумываясь, вполне ли он соответствует моим высоким достоинствам, тоже влюбилась в Гера, и все. Так и поженились.

Первое время муж настолько со мной носился, что я почти не замечала разницы между ним и папой. В предвкушении больших барышей от командировки Георгий радостно потирал руки:

– Вернусь, – говорил, – на половину квартиру обставим, а другую – лапе на шмотки.

Ничего не жалел. Да и я растворилась в семье. И поначалу была с ним счастлива.

К сожалению, Гера оказался не слишком прилежным отцом. Но ведь многие мужчины не проявляют особых чувств к младенцам! Зато муж много зарабатывал. И в конце-то концов, я же любила его! К тому же, как ни была опекаема, а с детства и сама привыкла работать как лошадь. Без того в наш институт было не поступить, никакой папа не помог бы, а я еще и музыкалку закончила. Так что одинокие хлопоты о маленьком Грише не могли меня, привычную к нагрузкам, сломать.

Самой большой проблемой тогда казалась свекровь – очень оригинальная женщина. На свадьбе, помню, увидев меня в белом атласе и с прической принцессы, ликующе воскликнула:

– Наша Светочка в этом наряде еще больше похожа на кролика, правда, сынуля?

– Мама! Ну какого кролика! – возмутился влюбленный Гера.

– Да как же! Смотри, зубы – о... – Свекровь моя как могла изобразила кроличью морду с торчащими зубами. – Вот какого, – рассмеялась весело своим фирменным икающим смехом. – И щеки как у...

– Мама! – рявкнул сын, и она, глупо улыбаясь, примолкла.

Вообще, ее суждения и поступки часто отдавали безуминкой. Не сказать еще, абсолютным умопомешательством.

Приезжая к нам в гости, свекровь в первую очередь кидалась инспектировать шкафы. Яростно двинув дверцей бельевого отделения, словно готовясь застать там врасплох прячущегося гостя, хищно набрасывалась на Герино белье, проверяла, правильно ли и ровно ли разложены стопки трусов, носков и маек. Потом распахивала другие дверцы, где ее интере-

совали костюмы и рубашки. Убедившись, что все не так, сокрушенно качала головой, охала, точно стряслась беда, и бурно делилась впечатлениями.

– В конце концов, – огрызалась я раздраженно, – это наш с Герой шкаф. И наше дело, как в нем и что должно лежать.

– Ошибаешься, деточка, – она злобно размахивала перед моим носом указательным пальцем. – Эту квартиру Герочке подарили мы с Валентином Георгиевичем, и тебе бы следовало быть благодарной! – Но тут же, приобняв меня, расплющивала лицо улыбочкой: – Делай, детка, все как надо, – внушала сладким голоском. – Больше ничего! Уж кажется, не трудно запомнить, что носочки не должны лежать на одной полке с маечками, да? Светочка-а, – умильно прижималась ко мне непредсказуемая женщина, – девочка моя, ну неужели мы с тобой станем ссориться из-за такой ерунды!..

Настроение моей свекрови менялось, как форма облаков в ветреный день. Но мое собственное она успевала испортить всегда.

Я быстро перестала с ней спорить. Во-первых, это бесполезно. А во-вторых – очень вредно. Потому что, если не споришь, она немного пошумит и скоро уедет. А если оплошаешь и втянешься в перепалку – ее визит может растянуться до вечера: в семейных схватках свекровь была неутомима и азартна. Именно поэтому, я думаю, ее муж, видный дипломат и у себя на службе, как говорили, ценнейший кадр, уважаемый начальством и подчиненными, в семье был только беззвучной тенью своей жены.

Когда родился Гриша, мой папа приезжал к нам чуть не каждый день. И если они с Гериной мамой пересекались, я внутренне ликовала. Папа умел воздействовать на нее таким образом, что она забывала о контроле над шкафами и о прочих своих воспитательно-репрессивных задачах, много смеялась, кокетничала и становилась даже обаятельной.

Мама к нам почти не ездила. Ко мне она была равнодушна и внуком не заинтересовалась. У нее был мой брат – как ей виделось, бесконечно нуждавшийся в ее заботливом присутствии и после своих двадцати, и после тридцати лет. Он долго не женился, что, в общем, понятно. И не пытался вывернуться из-под маминой опеки. Видимо, его все устраивало.

Я же по маме не скучала. У меня ведь имелся маленький Гриша, Гера и, наконец – мой любимый папа... Со временем я поняла, что невольно сравниваю Георгия с отцом – и, увы, не в пользу мужа. Папа безусловно оставался моим идеалом. Он всегда был самым умным, самым значительным, самым благородным мужчиной. А кроме того, с ним и себя я чувствовала самой талантливой, самой красивой – да просто самой-самой. Его любовь поддерживала и поднимала меня в собственных глазах.

Только когда мы прожили с Герой уже несколько лет и я вполне осознала, что не все мужчины такие, как мой отец (точнее, все мужчины – совсем не такие, как он!), стало ясно, что ожидания благодаря отцу у меня завышенные и удовлетворить их вряд ли кто-то сможет. Это открытие помогло мне принимать мужа таким, какой он есть. Ведь бессмысленно было пытаться поменять Геру на другого – все равно это не был бы мой папа!

Довольно скоро муж утратил ту заботливость, которой покорила меня в период ухаживания и в первый год брака. Он никогда не отказывал себе в походах с друзьями в баню, ездил с ночевкой на рыбалку, да и дома отчетливо предпочитал отдыхать у телевизора, а не помогать мне с ребенком и по хозяйству. В тесном семейном общении Гера явно не нуждался, иногда за весь вечер я не слышала от него более нескольких отрывочных слов. Ничем важным для себя со мной не делился, а важным для меня не интересовался. Вроде бы у нас оставался нечастый ночной секс. Но, во-первых, со временем муж почти перестал учитывать в нем мои потребности, а во-вторых, стремился все проделать по-быстрому и как-то уж очень функционально, что ли. Естественно, я переживала. Но он ведь был всего лишь Гера. Он не был мой папа! А потому и не приходилось ожидать от него многого.

Гришка рос непослушным. В детском саду считался разболтанным и своевольным. В школе сразу попал в «трудные». Учиться не хотел, а от плейстейшна, бывало, не оттащишь. Муж хмурился, но воспитательного усердия не проявлял. А если шалости сына зашкаливали, действовал без затей, то есть кричал и пугал ремнем. Зато его родители баловали внука совершенно безоглядно, и после выходных парень возвращался от бабушки с дедушкой окончательно неуправляемым.

Но у нас еще оставался мой папа! Гриша его обожал, и все хорошее в характере сына, все мужественное в его повадках, думаю, пришло к нему от дедушки. Может, поэтому я и не ждала от Геры ничего особенного. Какой есть – такой и есть, и без него все как-то устраивалось.

Но некоторые границы допустимого все же и у меня имелись, поэтому, когда мне позвонила та «доброжелательница» с исключительно нудным голосом, я ей не поверила. Зачем верить постороннему человеку и плохо думать о собственном муже?

Доброхотка сообщила, что у Геры другая женщина. Представиться отказалась, заявив, что речь не о ней, а обо мне, зато поведала, что муж мой в своей конторе давным-давно известен в качестве завязанного бабника и сейчас у него постоянная любовница. И нужен ли мне, дескать, такой муж... Недослушав, я отключила связь, Гере ничего не рассказала, однако невольно с тех пор стала присматриваться к нему по-новому.

Вообще-то его поздние возвращения с работы были у нас нормой. Но моя влюбленность давно прошла, а горячей семейной привязанности так и не возникло – не те были отношения. Да и помощи от Геры никакой не было, и ребенком он занимался от случая к случаю, а чуть что – раздражался на сына и орал. Так что его задержки не вызывали огорчений и протестов. Как-то так сложилось, что Гериная функция в семье сводилась практически к одному только материальному содержанию.

Однако теперь, когда анонимная информаторша сообщила столько неожиданного, я, признаться, испытала очень неприятное беспокойство. Ну жили мы как-то с Георгием – так и жили бы себе! Не хочу ничего знать... Между тем она позвонила снова.

– И что, – поинтересовалась нахально, – не выцарапала еще Жорику глаза?

Я бросила трубку. Сердце металось по грудной клетке.

Снова раздался звонок, и опять, и опять... Я не отвечала.

Но через день настойчивая правдолюбка все-таки меня достала.

– Подожди, подожди, – зачастил все тот же гадостный нудный голос. – Интересное скажу, вот увидишь.

– Ты кто? – спросила я.

– Такая же дура, которую муж тоже обманывал, а потом бросил. А я верила. Потому и говорю, что дура.

– Мне-то зачем ваши проблемы? – перебила я раздраженно.

– Не о моих проблемах речь, а о твоих. Твой муж любит другую!

– А тебе что за дело до нашей жизни?

– Женская солидарность, – проныл мерзкий голос. И она сама отключилась.

Вернулся Гера. Накормив его и чуть поколебавшись, я все-таки не вынесла собственного молчания.

– Сегодня был странный звонок... – Глядя пристально, я пыталась оценить реакцию мужа. – Уже не первый. Какая-то тетка сказала, что у тебя есть любовница.

Признаться, Герин вид совсем не говорил о растерянности или панике, муж не выглядел ни испуганным, ни смущенным.

– Вот как? – удивился он, сыто откидываясь на диване. – А еще что сказала?

– Что ты всем известный бабник. И теперь у тебя постоянная женщина.

– А что я американский шпион и латентный гей – не говорила?

– Нет.

Я все так же внимательно смотрела на мужа. Гера уставился на меня. Лицо его в эту минуту было насмешливым и, я бы сказала, довольно наглым. Признаться, это показалось убедительным...

– И что? Будем теперь верить всякому, кто бы что ни наплел? – поинтересовался он язвительно. – Какая-то дура, у которой, видимо, нет никакой личной жизни, вмешивается в чужую, только чтобы развлечься, а моя жена будет все это слушать и всему верить? Очень хорошо!

– Так она наврала?

– Господи, ну конечно же! – воскликнул Гера.

– А зачем? – спросила я обескураженно.

– Да кто ж ее знает?! Мало ли безумных людей! Может, зависть, может, скука... Может, просто разыграли тебя, дурочку, а ты повелась...

– Ну ладно, – вздохнула я. – Неприятно просто как-то.

– Да конечно, неприятно, лапа! Конечно, неприятно! – Гера поднялся с дивана и обнял меня. – Вот поэтому я и говорю: не вступай ни в какие переговоры с незнакомыми! Просто сразу клади трубку – и все. Договорились?

Все-таки человеку больше нужно утешение, чем правда. А мне утешительно было слышать Герины слова, которые показались полным и безоговорочным отрицанием его виновности. Вот и слава богу, подумала я, успокаиваясь.

Однако как утешение важнее правды, так ясность важнее даже и утешения. А ясность исчезла очень скоро, ибо гнусные звонки не прекратились. Я снова пожаловалась мужу, попросила купить телефон с определителем. И, будучи обычно не слишком-то внимательным к моим просьбам, на этот раз Гера быстро поставил новый аппарат. Но с непривычки я взглядывала на дисплей только после схватывания трубки и произнесения призывного «алё!». Так что правдолюбница снова меня подловила.

– Привет, – прорыла жалобно. – Подожди! Ну послушай! Честное слово, добра тебе желаю. И кое-что скажу про твоего, что тебе пригодится.

– Говори, – сказала я. – Только быстро и по делу.

– В общем, Герка в последнее время постоянную себе завел, – залопотала она без промедления. – И подарки ей делает. И вечера с ней проводит. И смотри, дожدهшься, что и отдыхать с ней уедет, а ты тут останешься! Лучше сейчас меры принимай, пока еще, может, не поздно.

У меня так ныло в груди, как будто в ней сверлили больной зуб. Но хотелось верить хотя бы в относительную невиновность Геры.

– Ну а ты-то за что бьешься? – спросила я с глупой надеждой, что злыдня как-нибудь сама себя разоблачит в качестве обманщицы. – Что тебе за дело, если мой муж с ней уедет?

– Грешок на мне, – покаялась эта ненормальная, – у нас с твоим тоже романчик был. Не думала, что он так скоро со мной закончит и к моей подруге переметнется. Да еще носиться с ней станет как с писаной торбой.

– Ну... в общем, – выдавила я, – так тебе и надо.

– Мне?! – закричала она. – А тебе?!

Но я уже бросила трубку. И безвольным кулем рухнула на диван без сил и мыслей. Только стучало в висках: плохо, плохо, плохо...

– Ма-ам! – затянул из своей комнаты сын. – Не могу задачку решить!..

Было далеко за полночь, когда наконец явился Георгий. В тот момент я не думала об абсолютной своей зависимости от мужа, вообще не могла ни о чем думать. Мне нужна была

только ясность, только определенность. Последние капли надежды на относительное семейное благополучие боролись с кошмаром полученной информации.

– Зачем ты брала трубку? – рявкнул муж посреди моего путаного монолога. – Какого черта!

– Машинально, – отмахнулась я и, чуть не плача, потребовала: – Ты просто обязан мне все объяснить!

– А что тут объяснять? – нахально пошел в наступление Гера. – Можно подумать, твой муж – первый мужчина, который изменяет жене! Ха!

Такой поворот заставил задохнуться, как от удара. Я же думала, он начнет оправдываться, оставит мне хоть какую-то лазейку для сохранения последних крох самоуважения...

– Значит, ты считаешь это нормальным? – выговорила с трудом.

– А что, интересно знать, тут ненормального! Что ты всполошилась, как глупая курица! Я тебя разве не содержу? Тебе неизвестно, что мужчины по природе своей полигамны? Может быть, это для тебя новость?! – заорал муж. В голосе его слышались насмешка и ярость, как будто не он был виноват, а я. – Ты сидишь дома, пока я ухаиваюсь на работе, – и у тебя еще ко мне какие-то претензии?! – разорвался Гера. – Ты еще чем-то недовольна?!

Признаться, я настолько была ошеломлена этим наездом, что буквально лишилась дара речи. Муж наорался и тоже замолк. Так и легли спать. Утром он угрюмо собрался на работу. Я отводила Гришу в школу, приводила из школы, хлопотала по хозяйству – все как всегда, – но не могла побороть отчаяния. Жизнь моя рушилась! Открывшиеся измены угнетали. Но еще страшнее были Герины цинизм и хамство во время нашего объяснения. Даже чудовищная, бесстыдная ложь после первого сообщения о звонках не казалась столь для меня унижительной, как наглое, бессовестное вчерашнее признание, когда Гера, в сущности, объявил, что изменял и будет изменять.

Если бы он каялся, просил прощения – я бы простила! Профессия у меня – переводчик, знаю четыре языка. Но перед самым дипломом вышла замуж, почти сразу беременность – и десять лет домохозяйкой. Работать не пришлось ни дня – куда я пойду? На что нам жить с сыном?.. А может, все, что Гера наболтал вчера, сказано сгоряча? Вдруг он и сам уже сожалеет?

С работы мужа встретила как ни в чем не бывало. И только накормив, завела речь о мучительном. Осторожно, с запинками приступила к разговору, который, я надеялась, должен был принести нам желанное примирение.

– Мы оба вчера были раздражены, – заметила робко, – но ведь нужно жить дальше.

Гера молчал.

– Давай попробуем поговорить спокойно... И как-то понять друг друга...

– Ну давай, давай, – подбодрил он. – Я тебя внимательно слушаю. Что же ты хотела мне сказать?

Он смотрел слегка насмешливо, ожидая, что будет дальше. Это сбивало с толку, мне в голову словно ваты набили.

– Гер, ну как же мы жить-то будем? – пробормотала я наконец.

– А в чем вопрос? – удивился он. – Жили же как-то – так, видимо, и будем. А ты не хочешь извиниться?

– Я?!

– Ну не я же! – всплеснул он руками.

– Да за что?! За что мне извиняться?!

– За что? По-моему, следовало бы извиниться за то, что ты мне здесь вчера устроила.

– Устроила я? – У меня даже мысль мелькнула: а не тронулся ли мой Гера умом.

– А по-твоему, это устроил я? – Он тоже в жутком изумлении ткнул себя пальцем в грудь.

– Да что я устроила? Ты, вообще, о чем? – Я действительно совершенно ничего не понимала, мысль о его помешательстве в ритме пульса чередовалась у меня с мыслью о моем собственном слабоумии.

– Так... – сказал он, задумчиво глядя в пол. – Кажется, я в тебе слишком долго ошибался... Так о чем ты хотела поговорить?

– Я?!

– О господи! Ну не я же!

– Но ведь...

– Послушай, – сказал он слишком внятно и так, словно терял терпение с тупым и упрямым ребенком. – Я пришел с работы. Усталый. И тут ты объявляешь, что хочешь поговорить. Ну так я тебя слушаю.

– Но... Мне кажется, что-то у нас изменилось... Не могу же я жить с тобой как раньше, если ты будешь встречаться с другими девушками.

– А что, у тебя есть какие-то варианты? – поинтересовался он глумливо. – Есть варианты не жить как раньше, когда я встречаюсь с девушками?

– В смысле? – не поняла я.

– Что тебя, наконец, не устраивает? – повысил голос Гера. – Я тебя плохо содержу? Мало даю тебе денег?

– Гер, но разве дело в деньгах?! – воскликнула я с отчаянием. – Мне просто ужасно тяжело было узнать, что ты... что у тебя...

– А что, собственно, тебя смущает? – ухмыльнулся муж. – Я зарабатываю для семьи. Почему мне не иметь маленьких радостей?

– Но... эти маленькие радости делают мне больно! – выкрикнула я.

– Больно?! – еще громче меня завопил он. – А что тут такого, от чего тебе должно быть больно? Я что, что-то от тебя отнимаю?! Не нравится ей! – Он словно включил самовзвод и распалялся все больше и больше. – Вот не нравится! Скажи еще спасибо, что муж живет с тобой и тебя обеспечивает! Не нравится ей! Да ты благодарить меня должна, дура! Вон, все мои друзья давно ушли от старых жен и обзавелись новыми! Или кайфуют в свободном полете! А я все тут, все при тебе! Да еще и сплю с тобой, с клушей! И ты же еще жалуешься! На что ты жалуешься? Десять лет живешь как у Христа за пазухой! Нет, она еще права качает! Не нравится! Больно ей! – орал совершенно взбесившийся Гера. – Тысячи женщин были бы счастливы! А этой не нравится!..

Вся сцена выглядела, на мой взгляд, абсолютно сюрреалистичной. Я не представляла, что тут можно было возразить по существу, и только воздух ртом хватала.

– Мозгами-то пораскинь! – не унимался Гера. – Ты благодарить меня должна за все, что я для тебя делаю! Тебе же, дуре, повезло! А ей, видишь ли, больно! Места своего не знаешь? Нормальная жена – Должна! Знать! Свое! Место! – Эти слова он просто прохрипел уже от ярости, рубя ладонью воздух.

Я закрыла рот – все равно не удавалось произнести ничего стоящего. Что можно ответить психопату?.. Я просто вышла из комнаты. Пошла и легла в детской на раскладном кресле. И не думала ни о чем. Перестала воспринимать что-либо и даже, как это ни странно, крепко заснула.

А утром кинулась к папе на работу.

Он выслушал меня молча. И так же молча принялся ходить по кабинету, чуть гримасничая. Наконец сказал:

– Ты, лапа, пойми: ничего я с твоим мужем поделать не могу.

Внезапным громом прозвучали эти слова. Почему-то я была уверена: если случится беда и приду к папе за помощью, он как лев кинется на обидчиков и лишь мокрое место от них оставит. Конечно, я не хотела, чтобы от отца моего ребенка осталось мокрое место! Но

думала, что отец сумеет дать понять моему внезапно свихнувшемуся мужу, что я не беззащитна.

– Геркин-то батя посильнее меня будет, – продолжал между тем сам с собой рассуждать папа, не прекращая ходить и хмуриться. Наконец провел рукой по лицу, словно паутину снимая, сел за стол и посмотрел на меня. – Кто я теперь твоему Герке? Тесть, больше никто. Это когда он курсантом был, а я преподавателем и старшим по званию... А теперь нет у меня на него управы. Понимаешь, доча?

– Да, – кивнула я и заплакала, не в силах сдержаться после этого нового потрясения. – Но что мне делать? Он изменяет мне! И меня же оскорбляет! За что?! Деньгами попрекал... И вообще... – Я тихо плакала, а папа смотрел с мучительной жалостью.

– Отец его мужик нормальный, – молвил задумчиво. – Но в семье абсолютный ноль. Я-то, грешным делом, думал, Герка такой же будет. Еще опасался, не тяжело ли тебе потом придется с подкаблучником. Ты ж у меня девочка домашняя, привыкла, чтобы все решения за тебя принимали. М-да... А вот оно как вышло.

– Пап, а может, мне к его отцу обратиться? – спросила я с последней надеждой.

– Тогда уж сразу к матери. Говорю же, отец там ничего не решает. Это на работе он начальник, а дома – последний человек.

– Ну нет, – сказала я, вытирая слезы. – К свекрови не пойду.

– Тоже правильно, – согласился папа. И пояснил свое одобрение неожиданным образом: – Ты пойми, доча, муж твой засранец, конечно, но такова, уж извини, жизнь. Он тебе правду сказал. Именно так себя мужчины и ведут, ты уж прости за откровенность, лап. Это просто понимать и принимать нужно. – Он вздохнул сострадательно, словно не ожидал на самом деле от меня понимания, а тем более принятия.

– Папа! – воскликнула я, потрясенная догадкой. – Так что ж получается – и ты? Ты тоже?!

– Ну-у, – протянул он уклончиво, – о присутствующих, разумеется, не говорим... Только знаешь, Светуль, так мир устроен. Не нами заведено... – он развел руками. – Мужчины созданы сеятелями своего генетического материала – что тут поделаешь, лапа? Как говорится, ничего личного, только биологическая программа.

– Ага. Ничего личного. И ты тоже выполняешь программу.

Я встала, собираясь с силами. Я опять не могла говорить. За последнее время мое сознание не первый раз атаковали настолько для меня новые и разрушительные сведения, что ураганно поступающую информацию некуда было складывать. Мой мозг до сих пор не создал системы, в которую можно было бы без потерь для психики встроить все, что я узнала о муже, о мире, о папе...

Папа! Я всегда его идеализировала. Казалось, нет человека чище, умнее, благороднее... В этот образ не укладывалось, что он всю жизнь обманывал маму. Чего же тогда ждать от Геры?... Значит, моя мама, которой вроде бы в жизни так повезло... Стоп! Вот оно – смягчающее папину вину обстоятельство: мама! Гера гулял от меня, что было, конечно, чудовищным. Папа изменял маме – и это можно считать вынужденной мерой. Я никогда не понимала, что именно папа нашел в маме – холодной, самовлюбленной, недалекой, без признаков чувства юмора и женской мягкости. Считала это нелепой ошибкой. И теперь мне проще было понять отца, объяснив его неверность инстинктом самосохранения. Исправить свою ошибку, как порядочный человек и любящий отец, он уже не мог. Но мог зато ее компенсировать!

А вот Гере не было прощения.

– Светуль, сядь, – прервав молчание, распорядился отец. – Послушай меня еще. Я понимаю, на тебя сразу много всего навалилось, но пойми главное: в такие дела, как ваши с Георгием отношения, посторонним лезть вообще не нужно. Лучше будет, если ты как-то с ним договоришься. Но в любом случае решение только за тобой. И совсем плохо, если ты

подключишь к личным проблемам каких-то третьих лиц. Поверь мне, лапа, просто поверь. Ты же знаешь, у меня дороже тебя никого нет на свете. Именно поэтому я говорю с тобой откровенно, хоть, может быть, тебе сейчас и неприятно это слышать: не нужно выносить сор из избы.

Я кивала, что-то, кажется, начиная понимать. Мне уже перевалило за тридцать, сыну почти десять – но я все еще оставалась ребенком, привыкшим к опеке взрослых. И вот впервые смутно почувствовала, что, оказывается, в какие-то моменты человек неизбежно оказывается одинок, кто бы ни окружал его и как бы о нем ни заботились. Потому что так он задуман, и ничего с этим сделать невозможно. Но нужно что-то делать с собой, чтобы это непреодолимое бытийное одиночество в тупик тебя не ставило и рассудка не лишало.

Из всех размышлений над взорвавшими мою жизнь событиями я вынесла главное: с Герой больше жить невозможно.

– Ну, раз ты так ставишь вопрос, – неожиданно согласился муж, – может, оно и к лучшему. Тем более что нас с тобой давно уже ничего не связывает.

– А сын? – удивилась я.

Он пожал плечами.

– Если уж на то пошло, – сказал, – я вообще хотел дочку.

Так запросто отрекся от Гриши в пользу какой-то мифической дочки. Я окончательно убедилась, что муж мой – урод конченный, и пережила развод почти спокойно.

Квартиру Герка нам оставил в обмен на отказ от притязаний на прочее имущество. Для раздумий, как супруги, имеющие несовершеннолетнего ребенка, мы получили от суда два месяца, но это уже ничего не меняло.

Я долго скрывала происходящее от свекрови, смутно опасаясь ее непредсказуемого характера. Гера, видимо, тоже не спешил оповещать мать с отцом о разводе, но в конце концов раскололся, не потрудившись посвятить родителей в детали. Отчего они вломились в мой дом настолько растревоженные, что свекровь даже белье инспектировать не стала. Под унылое молчание бессловесного супруга она бурно потребовала объяснений. Я усадила родственников пить чай с тортом, которым заедала стресс, и, смягчив некоторые подробности, поведала о причинах разрыва. Слушая меня, свекровь нервно поглощала угощения, кивая и вскрикивая, а потом вдруг перестала жевать, ошеломленно откинувшись на стуле с куском надкусанного торта в руке.

– Пакостник, – еле вымолвила почти без всякого выражения, так как всегда начинала свои эмоциональные выбросы несколько обессиленно. При этом умела очень быстро взвинтить себя и, постепенно самовозбуждаясь, легко добиралась до нужного градуса истерики. – Ах ты, пакостник... паразит... урод... Да неужто это я родила тебя, дрянь ты эдакая! – Она энергично взмахивала тортом. – Да тебя... Да я тебя... Поросяенок грязный! Гадина! Говнюк! – верещала уже в полный голос.

Продолжая выкрикивать ругательства, она кинулась в супружескую спальню, так и не выпустив из пальцев торта, распахнула платяной шкаф и принялась мстительно мазать кремом пока еще висевшие в нем костюмы сына, в пылу негодования задевая и мои платья... Не сказать, что ее визит как-то меня умиротворил. Но это моя родня, бабушка и дедушка Гриши – разбрасываться родственниками совсем не хотелось.

Вообще я теперь часто задумывалась о будущем. Паники не было. У меня ведь оставались квартира, алименты, Гришины родители и главное – мой папа. Я знала: папа – это надежно. Он не бросит, не предаст. Упускала из виду только то, что отец – просто человек, не очень молодой, уставший, любящий, измученный тревогой за любимую дочь и внука. Я знала его сильным, непобедимым – и не представляла другим.

Мама позвонила в субботу в восемь утра, когда мы с Гришей еще отсыпались за рабочую неделю.

– Света! – в отчаянии кричала она в телефонную трубку. – У отца, кажется, удар!

Я испуганно закудаhtала невнятными вопросами.

– Он плохо говорит... – объяснила мама плачущим голосом. – И, кажется, плохо понимает. Лицо так... словно перекосилось...

...Папа лежал молчаливо, беспомощно глядя на нас. Это было совершенно непривычно и как-то так неправильно, что мое сердце перевернулось от тоскливой жалости и окончательной растерянности перед жизнью. Отец – всегда уверенный, самый сильный, самый умный! Надежда и опора!.. Теперь он сам нуждался в опоре и, наверное, надеялся на нас.

Я каждый день ездила в госпиталь, мы с мамой подменяли друг друга, пока Гриша безвылазно пасся у бабушки с дедушкой. В палате для тяжелых больных папа пролежал две недели. Потом его перевели в «легкую» неврологию. Он быстро шел на поправку. Лицо постепенно выравнивалось, подвижность рук и ног восстанавливалась. Говорил он тихим медленным голосом. Тщательно выполнял предписания врачей. Но это был уже не тот мой папа, который внушал такую уверенность в завтрашнем дне. Казалось, инсульт открыл ему какую-то новую для него сторону жизни, о существовании которой он не ведал: видимо, отец осознал, что он обыкновенный человек, видимо, почувствовал, как преувеличенно иногда сильные мужчины оценивают свою неуязвимость и самостоятельность в этом мире.

Папа не просто понял, что смертен, к чему, как профессиональный военный, и так всегда был готов. Он словно узнал впервые с полной очевидностью, что может, как и всякий, в любой момент оказаться игрушкой судьбы, которая готова изломать, искалечить, лишить способности к элементарному уходу за собой, поставить под большой вопрос человеческое достоинство, когда ты лежишь беспомощный и зависишь от воли любого, но только не себя самого. Папа смирился. Его растерянный взгляд сменился задумчивым. Таким он и вернулся домой – с инвалидностью, ограниченной подвижностью и большой надеждой на маму, на которую теперь смотрел немножко снизу вверх.

Так я осталась без мужа, без работы и без привычной отцовской помощи. И вот тут уже действительно задумалась. Слава богу, отец остался с нами. Но теперь, когда он почти во всем зависел от мамы, я потеряла твердую опору в жизни, еще недавно казавшуюся вечной. Я поняла, что семейная жизнь, какая бы она ни была у меня, создавала чувство устроенности, когда вроде бы все уже состоялось и не нужно ничего добиваться, а следует только добросовестно выполнять свои обязанности... Теперь приходилось начинать все с самого начала.

На первых порах я еще надеялась, что папа воспрянет и вернется к своему привычному состоянию главы семейства. Но он смотрел куда-то в глубь себя, смотрел в окно на облака – и в основном бездействовал.

Мама ухаживала за ним неожиданно терпеливо и, как могла, вела хозяйство. В очередной раз я поняла, что, вынося свои категоричные суждения о жизни, почти ничего об этой жизни не знаю. Вот и мама удивила меня... Однако, кроме моего брата, она не любила никого. И когда нашу семью перестала согревать любовная, деятельностная энергетика папы, в ней совсем не осталось тепла. Вместе с практической помощью папина болезнь отняла у меня душевное пристанище, где я всегда находила утешение и поддержку. Дом, в котором я выросла, стал пустым и холодным.

Гришка учился все хуже. Его дневник пестрел двойками и призывами к родителям немедленно явиться в школу. Я, как могла, пыталась на него воздействовать, и он всякий раз обещал исправиться. Однако все оставалось по-прежнему.

А бабушка с дедом продолжали баловать внука, ни в чем ему не отказывая. И в ответ на мои робкие упреки свекровь скорбно напоминала, что ребенок переживает губительный стресс из-за разрыва родителей и что только любовь и мягкость обращения способны вылечить последствия тяжелой душевной травмы. Она не упускала случая для убедительности напомнить мне, что, слава тебе господи, в отличие от меня, сама вырастила прекрасного сына – с чем я не была вполне согласна – и, уж кажется, умеет воспитывать детей. Как бы то ни было, другой помощи мне было ждать неоткуда. Так что свекровь все позволяла Грише, а я все прощала свекрови.

Но однажды они пришли к нам в дом какие-то особенно торжественные. Сели на диван и попросили меня тоже сесть для серьезного разговора.

– Светочка, мы долго наблюдали, как ты, бедняжка, бьешься одна с мальчиком, – вкрадчиво начала мать бывшего мужа. – И вот что мы с Валентином Георгиевичем хотим тебе предложить. Только выслушай нас спокойно и прояви рассудительность. Женщина ты молодая, у тебя вся жизнь впереди. А Гриша – он тебя сковывает по рукам и ногам. И ты ничего сыну дать не можешь, потому что нужно свою судьбу устраивать, с работой определяться – а ребенок внимания требует. Так вот мы тебе и предлагаем: отдай Гришу нам, Светочка, и занимайся собой.

Свекровь замолчала и смотрела на меня с сострадательной улыбкой, как на тяжело-больную. Я помотала головой, пытаюсь сосредоточиться.

– В каком смысле – отдай? – спросила.

– В полном смысле, – убежденно кивнула свекровь. – Отдай насовсем.

– То есть как это? Как я могу его отдать – своего сына?

– Очень просто! – воскликнула она. – Напишешь отказ. Мы оформим опеку. Женщина ты молодая... симпатичная, – добавила, чуть запнувшись, – еще выйдешь замуж и новых себе нарождаешь. А этого – мы заберем. Ну!

Она смотрела на меня так ясно и дружелюбно, как будто ничего естественнее и приятнее для меня, чем ее план, и быть не могло. А я так растерялась, что на время утратила способность соображать. Сидела словно в оцепенении. Наконец смогла вымолвить:

– Да как такое возможно – отдать своего сына?! Какой еще отказ...

– А что тут удивительного? – нахмурилась свекровь. – Ты с ним все равно не справляешься. В конце концов, мы ему не чужие, как-никак родные бабка с дедом. И он, можно сказать, вырос на наших руках! – Она всегда любила преувеличивать собственные заслуги. – И тебе еще об отце нужно подумать, за ним ухаживать. А у нас ребенок будет обеспечен всем необходимым. Поверь мне, Светочка, нам он нужнее. А ты себе еще родишь. Вот увидишь, так для всех только лучше будет.

– Послушайте... Послушайте, – волновалась я, с трудом нащупывая слова. – Как я – мать – могу отдать вам сына? Это невозможно!

– Да какая ты мать! – вдруг воскликнула свекровь. – У ребенка одни двойки! Мать! До развода довела! Мать она, видите ли! Ребенка отца лишила...

– Хватит! – заорала я. – Я вам Гришу не отдам – и кончено!

Но кончить так легко не получилось. Они всё сидели, то увещевая меня, то браня, то запугивая. Потом еще долго свекровь звонила каждый день, взывая к моей ответственности, состраданию и благоразумию. А то вдруг уговаривала подумать о себе, подумать о сыне, наконец о них, для которых мой сын остался «последней радостью» – и все это означало одно: отказаться от ребенка и заняться устройством личной жизни «с чистого листа», как они выражались.

В конце концов родственники совсем истрепали мне нервы. Что было очень некстати, потому что я почти каждый день ездила по собеседованиям, пытаюсь понравиться работодателям. Мне требовались сосредоточенность и контактность – а после схваток с родите-

лями мужа я чувствовала себя наголову разбитой неудачницей, и меня никуда не брали. Так что я уже была близка к отчаянию, когда пришла неожиданная помощь: старый друг отца рекомендовал меня своему товарищу, директору большого холдинга, и я наконец устроилась менеджером отдела сбыта в его компании.

– Коллектив у нас хороший, молодой, – в первый рабочий день бодро информировала моя начальница. – Надеюсь, вам у нас понравится.

Сразу после этого теплого приема она обо мне забыла, напоследок поручив своей сотруднице Илоне. И у меня началась «трудовая жизнь». Я приходила в офис, садилась за стол и весь день сидела без каких-либо занятий, в то время как Илона меня игнорировала. В обеденный перерыв сломя голову неслась домой, чтобы проконтролировать Гришу. Толку от этой меры было столько же, как от сидения на работе, где все на меня косились как на совершенно никчемное, безнадежно ленивое, взятое в отдел по блату существо. Может быть, я как-то неправильно себя вела. Но у меня не было никакого опыта, и эта работа должна была стать моим стартом...

Я пыталась привлечь внимание Илоны, получить хоть какие-то инструкции. С выражением крайнего презрения на лице она усаживалась рядом и, вооружившись компьютерной мышью, стремительно проносила по незнакомому виртуальному пути на моем компьютере, в конце которого спрашивала: «Это понятно?» – «Не понятно», – признавалась я. Она обреченно отворачивалась к окну, как бы желая восстановить истощившиеся в заботах обо мне душевные силы. Затем, изнывая от моей тупости, снова бегала стрелкой мыши от опции к опции, что-то проделывала с клиентской базой. «Это понятно?» – роняла безжизненно. «Нет», – только и могла я ответить. «Ну естественно, – скептически комментировала Илона. – Думать мы, похоже, не любим...»

Так протянулся мучительный месяц. «Наставница» привычно бурчала себе под нос: «Ну что же мы хотим от нашей тупой головки! Ну откуда ж в ней взяться хоть каким-то мыслишкам...» – и все в таком роде. Наконец меня пробрало.

– Спасибо, достаточно, – прервала я поток ее тихих оскорблений. – Вы отлично объясняете.

– Не за что, – хмыкнула она. – Обращайтесь, если что.

С того дня дела мои пошли в гору. Отказавшись от навязанной «помощи» Илоны, я стала обращаться за разъяснениями к другим коллегам и очень скоро овладела необходимым минимумом знаний. Не сказать, что в отделе мне симпатизировали. Наверное, я сама была какой-то неконтактной в тот период. Зато, как только стряхнула оцепенение жертвы, сразу почувствовала себя человеком и увлеченно принялась осваивать новую профессию.

Метаться к Грише в обеденные перерывы тоже перестала. Все равно этот беглый контроль не приносил пользы. Я влетала в квартиру, где из комнаты сына слышались характерные звуки компьютерных «стрелялок». Кричала с порога, чтобы быстрее шел ко мне.

– Сейчас! – тянул мой мальчик, совершенно не желавший отрываться от очередного шутера.

– Гришань, времени нет! – взывала я, спешно переобуваясь в тапочки и кидаясь на кухню разогревать обед...

Его мы потом съедали вместе вечером, предварительно заново разогрев. И уроки начинали делать тоже вечером. И голова Гриши была уже непоправимо изнурена многочасовой виртуальной войнушкой.

Бесполезные забеги домой больше не отвлекали меня от работы. Я быстро втянулась в новую деятельность, искренне считая, что именно реализация продукции приносит реальные деньги. Господи, как же мне хотелось преуспеть в этой компании! Подняться в собственных глазах, получить уважение окружающих, доказать, в конце концов, Георгию, что я без

него не пропаду... У меня так мало было в жизни достижений, я словно проспала всю свою молодость.

Но мой быстрый профессиональный рост и готовность брать на себя ответственность почему-то не привлекали внимания начальницы, так же как раньше ее ничуть не занимала моя вынужденная бездеятельность. И за направлением на обучение я отправилась прямо к руководителю отдела.

– А почему не к непосредственному начальнику? – бегло поинтересовался Бахметьев, не отрываясь от бумаг.

– Она в отпуске, – рапортовала я. А сама подумала: да хоть бы и нет, эта коала не прервала бы ради меня своей спячки.

Бахметьев наконец мазнул по мне цепким взглядом.

– Пишите заявление, – сказал, – на имя начальника отдела развития.

Вскоре я стала посещать семинары и тренинги, поневоле выбывая из рабочих процессов. Коллеги роптали: новенькая обеспечила себе рост за счет переадресовки нагрузки на других сотрудников. А Бахметьев ни с того ни с сего назначил меня руководителем одной из групп в отделе. Его неожиданное покровительство не прибавило мне популярности, зато новая работа радовала карьерными перспективами и помогала хоть иногда забывать о растерянности, которую я почти постоянно теперь испытывала – с тех пор как случилась беда с папой.

Часто застывала у окна, глядя на деревья и небо, пытаюсь унять смятение духа. Папа, думала, с детства приучал добиваться результатов. И что? Была я заботливой женой и хозяйкой – а муж все равно нас с сыном бросил, и Гришка отбивается от рук. Что я делала не так?.. А сам отец? Он был отличным профессионалом и сильным мужчиной – но insult превратил его в тихого инвалида. Чего он не учел?.. Или мама – жила себе женщина без забот, кругом опекаемая мужем. Но все изменилось – и вот она сама безропотная нянька при бывшем главе семейства! Из капризной и ленивой эгоистки мама поневоле сделалась молчаливой работающей терпеливицей. И выходит, обстоятельства, которые нам не проконтролировать и не отменить, всю распоряжаются нашими жизнями. А мы еще воображаем себя создателями собственной судьбы! Как бы не так...

Бахметьев – в прошлом из военных – человеком был нестарым, неглупым, незлым и не лишенным чувства юмора. Правда, особенно широкую известность в компании снискали ему не эти качества, а неукротимое женолюбие. Но мне-то что до того! Он в меня поверил, он увидел во мне профессионала... Так я, во всяком случае, думала.

Иногда мы обедали вместе, если одновременно оказывались в столовой. Сотрудники тонко улыбались, принимая наши отношения за начавшийся роман, но мне и это было безразлично. Между тем симпатия Бахметьева потихоньку стала проявляться довольно-таки назойливым вниманием. В обеденный перерыв он уже специально вызванивал меня, и, если я почему-либо отказывалась пообедать, дулся и сетовал на ненадежность «личного состава».

Как-то вечером вызвал звонком. Я поспешила в кабинет, Николай Петрович поднялся навстречу, кивнул на стул, достал из шкафа бутылку коньяка и конфеты, расставил бокалы, уселся рядом.

– Мы ведь так и не обмыли твое назначение, – объяснил приподнято.

Я вежливо улыбнулась. Перед мысленным взором замелькали недоделанные дела и одинокий Гришка за компьютером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.